

DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.8>UDC 902.01
LBC 63.4Submitted: 04.07.2025
Accepted: 24.10.2025

RARE GROUPS OF IMPORTED TRANSPORTATION POTTERY IN THE TERRITORY OF THE GOLDEN HORDE ¹

Sergey G. Bocharov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Andrey N. Maslovskiy

Azov Historical-Archeological and Paleontological Museum-Reserve, Azov, Russian Federation

Abstract. The study of the mass ceramic complex of the Golden Horde state in all of its diversity is one of the most important areas of archaeological research for this period. This article presents information on several groups of imported container pottery that arrived on the territory of the Golden Horde in small quantities. Among them are three groups of amphorae, two groups of molded jugs, and groups of pithoi. The identification and description of such groups of imported pottery and the beginning of their targeted search lead to a rapid increase in the number of finds and an expansion of their geographical distribution. Information is provided on the morphology, technological features, and chronology of the arrival of the published vessels. Any assumptions about the place of their production today can only be hypothetical. The first group: yellow clay amphorae with a funnel-shaped neck (the time of their arrival to the territory of the Golden Horde is the mid-13th – early 14th centuries). The second group: wide-necked light-gloss amphorae with string imprints (arrived in 1310–1340). The third group: light-gloss amphorae with painting (arrived in the first half to the middle of the 14th century). The molded vessels are represented by two groups. The first group: brown molded jugs (they arrived in the territory of the Golden Horde in the late 13th – late 14th centuries). The second group: dark red molded jugs. Three groups of large vessels pithoi are distinguished. Pithoi with a trapezoidal rim of two groups, “brown” and “orange” (arrived on the territory of the Golden Horde in the second half of the 13th century), and a separate group of massive red-clay pithoi.

Key words: Golden Horde, imported pottery, trade, amphorae, pithoi, molded jugs.

Citation. Bocharov S.G., Maslovskiy A.N., 2026. Redkie gruppy tarnoy importnoy keramiki na territorii Zolotoy Ordy [Rare Groups of Imported Transportation Pottery in the Territory of the Golden Horde]. *Nizhnevolzhskiy Arkheologicheskij Vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin], vol. 25, no. 3, pp. 189-219. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.8>

УДК 902.01
ББК 63.4Дата поступления статьи: 04.07.2025
Дата принятия статьи: 24.10.2025

РЕДКИЕ ГРУППЫ ТАРНОЙ ИМПОРТНОЙ КЕРАМИКИ НА ТЕРРИТОРИИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ ¹

Сергей Геннадиевич Бочаров

Севастопольский государственный университет, г. Севастополь, Российская Федерация

Андрей Николаевич МасловскийАзовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник,
г. Азов, Российская Федерация

Аннотация. Изучение массового керамического комплекса золотоордынского государства во всем его разнообразии сегодня является одним из важнейших направлений археологических исследований. В работе собрана информация о нескольких группах импортной тарной керамики, которая поступала на территорию

Золотой Орды в незначительном количестве. В их числе три группы амфор, две группы лепных тарных кувшинов и три группы пифосов. Выделение и описание таких групп импортной керамики и начало их целенаправленного поиска приводит к тому, что число находок быстро растет, а география их распространения расширяется. Приведена информация о морфологии, технологических особенностях и хронологии поступления публикуемых сосудов. Любые предположения о месте их производства сегодня могут быть только гипотетическими. Первая группа: желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом (время их поступления на территорию Золотой Орды середина XIII – начало XIV в.). Вторая группа: широкогорлые светлоглиняные амфоры с оттисками веревочки (время поступления – 1310–1340 гг.). Третья группа: светлоглиняные амфоры с росписью (время поступления – первая половина – середина XIV в.). Тарные лепные сосуды представлены двумя группами. Первая группа: коричневые лепные кувшины (время их поступления на территорию Золотой Орды – конец XIII – конец XIV в.). Вторая группа: темно-красные лепные кувшины. Выделяются три группы крупных сосудов – пифосов: с трапезиевидным венчиком двух групп, «коричневой» и «оранжевой» (время их поступления на территорию Золотой Орды – вторая половина XIII в.), и отдельная группа массивных красноглиняных пифосов.

Ключевые слова: Золотая Орда, импортная керамика, торговля, амфоры, пифосы, тарные лепные кувшины.

Цитирование. Бочаров С. Г., Масловский А. Н., 2026. Редкие группы тарной импортной керамики на территории Золотой Орды // Нижневолжский археологический вестник. Т. 25, № 3. С. 189–219. DOI: <https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2026.3.8>

Тарная керамика составляет значительную часть керамического комплекса Золотой Орды. Заметную ее долю образуют импорты, поступавшие с южного направления из регионов Средиземноморья через причерноморские порты. Хотя по мере удаления от морского побережья их процент в культурных напластованиях снижается, они, тем не менее, присутствуют на удаленных от Черноморского региона как городских, так и сельских памятниках европейской части Золотой Орды. 99 % этого импорта составляют южно-понтитские амфоры (группа «Трапезунд»), которым уделено достаточное внимание исследователей (недавняя обобщающая публикация [Бочаров, Масловский, 2023, с. 269–288]). Еще 2–3 группы керамической тары уступают им минимум на два порядка по численности, но всё же имели заметное распространение в отдельные периоды и на некоторых территориях, и поэтому представлены значительными сериями находок [Бочаров, Масловский, 2023, с. 270–296].

Предметом рассмотрения данной статьи станут группы тарной керамики, которые ввозились на территорию Золотой Орды спорадически небольшими партиями. Некоторые представлены единичными целыми формами, другие только сериями фрагментов. До настоящего времени они не получили достаточно внимания специалистов или отсутствует их развернутое описание в научной литературе. Вполне вероятно, что их кажущаяся редкость

отчасти и объясняется отсутствием внимания специалистов. Целенаправленный поиск может существенно увеличить объем имеющихся в нашем распоряжении материалов.

Желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом

Первой среди редких групп керамической тары, по вниманию к ней специалистов и отчасти по численности находок, следует назвать желтоглиняные амфоры с воронковидным расширением в верхней части горла из неизвестного производственного центра (рис. 1–3). Информация о них, часто очень краткая, представлена в ряде публикаций [Волков, 1989, с. 97–98, рис. 15,6–8; Мыц, 1991, с. 97; Волков, 1992, с. 156, рис. 6; Зеленко, 1999, с. 228, рис. 10; Булгаков, 2000, рис. 3, 4, 6; Масловский, 2006, с. 435–437; Коваль, 2010, с. 167–168, рис. 61,3; Майко и др., 2014, с. 329–332, рис. 1, 2, 3; Жеребилов, Масловский, 2016, с. 12], включая одну из предыдущих работ авторов [Бочаров, Масловский, 2023, с. 294–295, рис. 1,5, 9,7, 17,1–2].

Лучше известны амфоры этого же производственного центра, поступавшие в Восточную Европу в домонгольский период [Мыц, 1991, с. 97, рис. 32,4–5; Hayes, 1992, p. 74, fig. 26,1–3; Волков, 1996, с. 97, рис. 5; Булгаков, 2000; Волков, 2001, с. 132–135; Коваль, 2010, с. 160–162, рис. 52,5, 55,3–10; Волков,

2017, с. 179; Günsenin, 2018, p. 110, fig. 18]. На территории Руси их доля составляла 2–5 % от объема импортных амфор [Коваль, 2010, с. 160]. Морфология ранних амфор несколько отличалась, прежде всего, более удлиненной нижней частью корпуса и наличием округлого дна. Изменение профилировки происходит, вероятно, около середины XIII века.

Сосуды изготовлены из формовочной массы, насыщенной хорошо заметными мелкими слюдистыми чешуйками. Окраска черепка может колебаться от светло-желтого, светло-бежевого до светло-коричневого и светло-серого цвета. Реже встречается черепок более ярких оттенков, вплоть до красно-коричневого (рис. 2,3). Чаще всего фиксируется светло-желтая окраска. В литературе используется их определение как светлоглиняных [Волков, 1989, с. 97–98; 2017, с. 179; Майко и др., 2014, с. 329]. Поскольку такое название применимо минимум к трем группам редких амфор, отмеченных на территории Золотой Орды, такое обозначение, по меньшей мере, неполно и его стоит избегать.

Тулово подобных амфор вытягивалось из одного куска глины без стыковки частей. Имеется только одна находка сосуда (рис. 2,4–6) со стыковочным швом на месте максимального диаметра. Соединение выполнено «встык» с небольшим «нахлестом». Использовался ли дополнительный жгут, по причине неполной сохранности места стыковки, неясно. Соединение выполнено аккуратно и обращает внимание только благодаря тонкой трещинке. С внешней стороны на месте максимального диаметра – отпечаток тесьмы из трех тонких веревочек, в одном месте перекрученной (рис. 2,5). Диаметр сосуда 32 см.

Горло невысокое, с воронковидным расширением в верхней части. Ручки петлевидные, уплощенные в сечении (соотношение ширины и толщины не менее чем 3 к 1). Верхние прилепы размещены ниже венчика. Ручки отходят от них горизонтально. От нижнего прилепа ручки отходят под отрицательным углом. Тулово несколько удлиненное, яйцевидное, с уровня нижнего прилепа ручки покрыто неглубоким крупным равномерным рифлением. Шаг рифления 1,0–1,5 см. Дно уплощенное, с вогнутой серединой.

Значительная часть находок принадлежит небольшим сосудам с диаметром тулова около 17–18 и 20–22 см. Диаметр венчика 6–7 см. Однако отмечен размерный тип существенно крупнее, с максимальным диаметром тулова 28–32 см. Амфоры среднего размера имели высоту около 35 см.

Ввоз амфор этой группы на территорию Восточной Европы не был массовым в домонгольский период. После создания Золотой Орды объем их поступления снижается еще больше. Это наглядно видно при сопоставлении домонгольских памятников дельты Дона и Азака. Большая часть находок целых и крупнофрагментированных сосудов происходит из груза корабля, затонувшего в бухте Судак-Лимен (Крым, пгт. Новый Свет) [Зеленко, 1999, с. 228, рис. 10], который датируется третьей четвертью XIII века. Находки золотоордынского периода встречены на памятниках Крыма: Алустоне [Мыц, 1991, с. 97]; Судаке [Майко и др., 2014, с. 330–332, рис. 3,1,8]. Здесь их выделение затрудняется тем, что датировать мелкие фрагменты при отсутствии доньев затруднительно.

Помимо Крыма, сколь-нибудь заметную долю керамического комплекса амфоры этой группы могут составлять только на некоторых поселениях Приазовья, расположенных неподалеку от моря, как, например, Железнодорожный 1–2 в Закубанье, где встречены целые сосуды и крупные обломки [Майко и др., 2014, с. 331, рис. 3,7,9]. Здесь доля этой группы амфор составляет 0,3 % импортной тары [Жеребилов, Масловский, 2016, с. 12].

На остальной территории Золотой Орды находки единичны, тем не менее, они отмечены не только в портовом Азаке и поселениях его окружи, но и в Укеке и Болгаре. Из раскопок последнего памятника происходит почти полностью склеенный экземпляр (рис. 1,1–2).

Было высказано несколько гипотетических предположений относительно места производства этих амфор: Хиос [Волков, 1996, с. 97], западные регионы Византийской империи [Волков, 2001, с. 134–135], район административного контроля властей Константинополя [Булгаков, 2000], Мальвазия [Волков, 2017, с. 179]. Ни одно из высказанных и возможных новых предположений на настоящий момент не может быть проверено.

На внутренней стороне всех амфор из кораблекрушения в бухте Судак-Лимен встречен смолообразный осадок коричневого цвета, в одном случае с зернами проса [Зеленко, 1999, с. 228]. По мнению С.М. Зеленко, это указывает на перевозку в амфорах оливкового масла. И.В. Волковым предполагается транспортировка в этих амфорах очень дорогого сладкого вина [Волков, 2017, с. 179].

Вопрос о хронологии поступления амфор этой группы непрост. Относительно начала их поступления никаких разногласий быть не может. Поскольку они ввозились в Восточную Европу с домонгольского времени и никакого перерыва в их поступлении, кажется, не фиксируется, то они могут присутствовать в самых ранних комплексах золотоордынских поселений начиная с середины XIII века. Относительно же верхней границы времени распространения у всех исследователей есть определенные сомнения. Амфоры датируют преимущественно XIII в. [Волков, 2001, с. 132] и говорят о почти полном прекращении их поступления в XIV в. [Волков, 2017, с. 179], или вовсе ограничиваются размытой датой XIII–XIV вв. [Булгаков, 2000]. В Алустоне амфора с вогнутым дном происходит из комплекса XIII в. [Мыц, 1991, с. 97]. В литературе есть указания на то, что в Судаке они встречены в первой половине XIV в., а в Азаке и в комплексах второй половины XIV в. [Майко и др., 2014, с. 331].

У В.Ю. Ковалю упоминаются амфоры комплекса конца XIII – начала XIV в. из раскопок Коринфа [Коваль, 2010, с. 167]. Однако эти находки имеют слабое сходство с рассматриваемой группой [Sanders, 1987, p. 187–189, fig. 9,33–34]. Помимо не совпадения в морфологии сосудов, разительно отличается черепок, насыщенный минеральными частицами, с крупными порами от выгорающих известковых включений. К тому же сосуды покрыты росписью красной краской, которая не отражена на рисунках в публикациях. Очевидно, что это продукция иного производственного центра.

Степень смешанности материалов в Судаке исключает возможность использовать их для уточнения хронологии. К сожалению, мало чем может помочь Азак. Хотя здесь действительно можно встретить единичные фрагмен-

ты амфор этой группы в комплексах второй половины XIV в., они также с высокой вероятностью относятся к числу переотложенных материалов.

Для уточнения датировки обратим внимание на то, что желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом встречены на золотоордынских памятниках, где хорошо представлены материалы XIII в. (Азак, Укек, Болгар). Максимальный процент зафиксирован на поселении Железнодорожный 2, период расцвета которого приходится на вторую половину XIII – первую треть XIV в. [Жеребилов, Масловский, 2016, с. 15]. Обращаясь к планиграфии находок в Азаке, отметим, что они почти не выходят за пределы города первого десятилетия XIV века. Все это позволяет говорить, что амфоры данной группы поступали на территорию Золотой Орды во второй половине XIII века. Уже в самом начале XIV в. их ввоз если и имел место, то очень маленькими партиями или спорадически, и никак не позднее первой трети XIV века.

Желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом можно было бы использовать в качестве хроноиндикатора для вышеуказанного периода, если бы не их чрезвычайная редкость. В Азаке, при огромном объеме изученных материалов, встречено не более сотни обломков.

Широкогорлые светлоглиняные амфоры с отгисками веревочки

Еще менее известной представляется группа крупных светлоглиняных амфор с широким горлом (рис. 4, 5). Их примечательной особенностью являются часто встречающиеся на внешней поверхности отгиски веревочки, расположенные примерно на месте максимального диаметра тулова (рис. 5, 1–6). Впервые подробно эта группа амфор на золотоордынских памятниках была описана на основании фрагментированного развала из раскопок Болгара [Волков, Губайдуллин, 2012, с. 191–200, рис. 1–4, 5, 1–3], хотя ранее давалось краткое описание находок из Азака с неверной интерпретацией их как пифосов [Масловский, 2006, с. 453–454, рис. 57, 9–10]. В классификации керамического комплекса Азака группа получила номер 39. Описание этой группы амфор так-

же приведено в одной из работ авторов [Бочаров, Масловский, 2023, с. 295–296, рис. 9,8, 17,3–5].

Пример этих амфор наглядно показывает, что после описания новой группы керамики и начала целенаправленного поиска число находок быстро растет, а география их распространения расширяется. В Болгаре были выявлены фрагменты еще от нескольких амфор [Коваль, 2016, с. 115, 117–118, рис. 11,1–2]. Помимо Болгара и Азака они обнаружены на Селитренном городище и Маджаре [Волков, Губайдуллин, 2012, с. 191], Увеке², в Восточном Крыму на поселении Жемчужина 1 [Коваль и др., 2021, с. 127–130, рис. 1–3, 4,1] и в бухте Каффы (Феодосии) [Зеленко и др., 2016, с. 13, 42, 101, рис. 4,6,9]. Наверняка география находок будет расширяться при должном внимании исследователей к массовому материалу.

При этом в Азаке их число вовсе не единично. Экстраполируя данные статистики последних десятилетий на раскопы более раннего периода, когда обломки таких амфор попадали в массовый материал и выбрасывались, можно говорить о том, что за последние полвека при исследованиях Азака было найдено несколько тысяч фрагментов от нескольких сотен сосудов. Среди них найденный в 1994 г. при раскопках во дворе Азовского музея фрагментированный развал (рис. 4,8). Число фрагментов этой группы в разы превышает количество находок желтоглиняных амфор с воронковидным горлом.

Причина того, что они не были опубликованы ранее и не привлекали должного внимания специалистов – это разрозненность находок и редкость профильных фрагментов. На настоящий момент в Азаке удалось выявить только 4 фрагмента венчиков (рис. 4,2–5), 1 донце и ни одной ручки. Найдено всего два фрагментированных развала сосудов (рис. 4,6,8), впрочем, не столь полные, как находка из Болгара, и несколько крупных фрагментов (рис. 4,7). Большая часть находок происходит из полосы вдоль центральной улицы Азака. Здесь они отмечены на каждом крупном раскопе, и их доля достигает десятых долей процента. Отдельные фрагменты встречены на периферии центрального городского района.

Черепок настолько специфичен для керамики Золотой Орды, что можно диагностировать совсем маленькие обломки амфор этой группы размером в 2–3 см². Цветность его неустойчива – от светло-бежевого до светло-розового, бледно-желтого или бледно-серого оттенка даже в пределах одного сосуда (рис. 5). Часто черепок трехслойный или пятислойный с бежевой или кофейной сердцевинной и более яркими розоватыми внешними слоями. При этом внешняя поверхность может иметь очень светлую окраску вплоть до почти белой.

Формовочная масса насыщена (до 20 %) смесью разноцветных (прозрачных, серых, коричневатых, красно-коричневых, молочно-белых) минеральных зерен различной степени окатанности, размерами преимущественно до 0,5 мм. Из-за этой примеси поверхность мелкобугристая. Размерность и состав частиц неустойчивы. Есть образцы с большой долей фракции зерен размером в 2–3 мм. Присутствуют мелкие удлиненные поры. На участках с отслоившейся поверхностью видны крупинки размером в 2–3 мм, похожие на концентрат (шамот). Поверхность тщательно заглаживалась мокрой рукой, хотя встречаются отдельные крупные капли жидкой глины на внутренней стороне придонной части сосуда (рис. 5,11).

Находки из Болгара позволили создать графическую реконструкцию этих сосудов [Волков, Губайдуллин, 2012, с. 191, рис. 1], которую можно несколько дополнить благодаря находкам профильных фрагментов из Азака (рис. 4,1).

Сосуды крупные, тулово грушевидной формы с максимальным диаметром в верхней трети сосуда. В этом месте может фиксироваться слабозаметное ребро. Максимальный диаметр – 47–49 см. Для находки с поселения Жемчужина 1 указывается диаметр в 52 см [Коваль и др., 2021, с. 127]. Высота сосуда из Феодосии 67 см [Зеленко и др., 2016, с. 42]. Реконструируемая высота сосудов из Болгара и Азака 61–62 см. Горло короткое, цилиндрическое. Венчик утолщенный, с округлым верхним краем, диаметром около 11–13 см. У основания горла расположен небольшой валик. Петлевидные профилированные ручки расположены на плечах. Учитывая, что

в Азаке не найдено ни одной ручки, а находка из Феодосии ручек не имеет, можно предполагать, что большая часть сосудов, поступавших на территории Золотой Орды, ручек не имела.

Глубокое рифление с четким профилем покрывает верхнюю часть тулова ниже плеча и придонную часть тулова на $\frac{1}{4}$ высоты. На верхней части тулова рифление имеет шаг в 11–12 мм, в придонной части несколько уже (7–8 мм).

Учитывая размеры и форму сосуда, можно предполагать, что амфоры вытягивались по частям с последующей сборкой элементов. Однако, из-за высокого качества обработки поверхности, места стыковки не фиксируются. Толщина стенок меняется плавно. На наиболее логичном для соединения элементов участке перехода полусферической придонной в среднюю усеченноконическую часть тулова с гладкими стенками толщина стенок не меняется вовсе (рис. 4,7). Хорошо заметное утоньшение стенок в придонной части тулова приходится на место с четким мелким рифлением (рис. 5,10). По мнению В.Ю. Ковалю, стыковка элементов производилась на уровне максимального диаметра тулова [Коваль и др., 2021, с. 127]. Внимательный осмотр серии обломков из Азака не выявил следов стыковки в этом месте. На азаком экземпляре видны радиальные спирально закручивающиеся трещины (рис. 5,11). Логично предположение об изготовлении горла отдельно, но ни одного полностью сохранившегося места стыковки осмотреть не удалось.

На стенках, в наиболее широкой части сосудов, регулярно встречаются отпечатки тонкой веревочки (рис. 4,6, 5,1–6), использовавшейся для проверки стандартности сосудов, из-за чего группа получила свое рабочее название – «светлоглиняные амфоры с отпечатком веревочки». Наряду с обычными горизонтальными, неоднократно фиксируются отпечатки веревочки, расположенные наискось (рис. 5,2). Отмечены дипинти, нанесенные красной краской на плечики сосудов (рис. 4,6, 5,8).

Для определения хронологических рамок поступления амфор данной группы на территорию Золотой Орды следует обратиться к материалам Азака, где их встречено больше всего. Они отсутствуют в наиболее ранних

комплексах. Все крупные обломки и фрагментированные развалы происходят или из слоя, или из комплексов с монетами хана Узбека. Исключение составляют находки из комплексов с длительным накоплением (подвалы купеческих домов), которые начали заполняться в 1340-е годы. Таким образом, вероятно, период ввоза светлоглиняных широкогорлых амфор в пределы Золотой Орды можно ограничить 1310–1340-ми годами. Это подтверждает и находка из Болгара [Волков, Губайдуллин, 2012, с. 192]. Для находки из поселения Жемчужина 1 не указан хронологический контекст, но сделана отсылка к датировке испанских исследователей, по мнению которых производство этого типа сосудов началось в середине XIV в. [Коваль и др., 2021, с. 128].

Вопрос о месте производства этих амфор требует отдельного подробного рассмотрения. По осторожному предположению И.В. Волкова, амфоры этой группы происходят из сиро-палестинского региона [Волков, Губайдуллин, 2012, с. 194, 199]. Эта гипотеза базируется на отдаленных по хронологии аналогиях (большая их часть датируется ранним средневековьем) и деталях морфологии. По мнению автора гипотезы, более существенно то, что в этом регионе длительное время бытовала традиция изготовления амфор с петлевыми ручками, крепившимися на плечи, широким низким горлом и широким туловом. Консерватизм гончарных традиций мог сохранить такую форму на протяжении длительного времени при резком сокращении объемов производства. Хронологический же разрыв может объясняться плохой изученностью памятников, которая не позволяет выявлять малочисленные разновидности керамики. Стоит отметить, что некоторые аргументы данной работы устарели. Амфоры этой группы обнаружены в Крыму, а в Азаке они вовсе не единичны.

Позже появилось две публикации [Коваль, 2016, с. 115, 117–121, рис. 11,1,2; Коваль и др., 2021, с. 127–130, рис. 1–3, 4,1] с подробным анализом находок амфор данной группы из Болгара и Крыма. В первой работе было высказано предположение о производстве их в Испании. Хотя в статье эта локализация названа гипотезой [Коваль, 2016, с. 121], словосочетание «испанская керамика» вынесено в на-

звание статьи. Во второй работе, посвященной находкам из Крыма, гипотеза уже принимается как доказанный факт [Коваль и др., 2021, с. 128]. Испанское происхождение считается несомненным и авторами публикации находки из Феодосии [Зеленко и др., 2016, с. 13, 42], что, впрочем, объясняется самим характером работы.

Казалось бы, авторитетные исследователи на обширном материале установили место производства, и эту локализацию нужно принять. В действительности, к сожалению, появление данной точки зрения свидетельствует только о снижении уровня критического анализа при обращении отечественных исследователей к зарубежной литературе. В особенности это касается, так сказать, теоретических основ исследования. И поэтому следует несколько подробно остановиться на них.

Проблема локализации места производства транспортировочной тары очень сложна. По ряду причин для эпохи средневековья эта задача становится еще сложнее. Необходимо собрать и проанализировать несколько категорий данных: 1) определить ареал той или иной группы керамики; 2) собрать статистику по численности находок в различных точках этого ареала; 3) хотя бы попытаться найти производственные комплексы с достоверными браками, исключающими возможность их продажи, и печным припасом; 4) выявить специфические особенности технологии, как субстратные, так и приспособительные; 5) выполнить поиск на территории предварительно выбранных возможных центров производства других видов керамики, которые изготовлены с теми же особенностями технологии или из той же формовочной массы, что и транспортировочная тара; 6) провести анализ письменных источников, связанных с торговлей региона, где предполагается производство керамики.

Работа не обязательно должна идти именно в такой последовательности. Возможно привлечение иных видов источников, например изобразительных или результатов естественно-научных анализов. Последние, однако, имеют скорее вспомогательное значение и должны привлекаться только на финальной стадии исследования для проверки гипотез и более полного описания материала.

Проблема в том, что на пути исследования возникают непредвиденные препятствия. Во-первых, разные регионы и потенциальные производственные центры могут быть охвачены с неодинаковой полнотой. Многие районы почти не изучены. Более или менее достоверная статистика известна в единичных случаях.

Во-вторых, полнота описаний материала в публикациях далеко не всегда достаточна для использования ее в подобных исследованиях. Объехать же десяток стран и побывать в сотне музеев – задача не всегда выполнимая.

Существуют и другие более мелкие проблемы, в частности неполнота письменных источников или особенности выпадения находок очень неодинаковые на различных памятниках.

Из самого определения «транспортировочная тара» следует, что амфоры не выступали как самостоятельный товар. Поэтому ситуация, когда больше всего находок будет встречено на месте их производства, мало-реальная. Заметное число амфор будет использоваться на месте своего изготовления в случае перебоев в торговле, нехватки транспортируемого товара или из-за серьезного дефекта самого сосуда. Однако затяжные сложности в торговле быстро сократят производство, не купленные в этом сезоне сосуды будут использованы в следующем году. При небольшом дефекте сосуды все равно могли применить для транспортировки.

С другой стороны, опустевшая тара на месте прибытия могла использоваться вторично длительное время, и совсем не обязательно по своему прямому назначению. Например, их могли наполнить другим товаром и отправить в новое место, сделать стационарной тарой или даже употребить при строительстве. Вторичное использование амфоры говорит скорее против предположения о месте ее производства на данном памятнике.

Посмотрим, как обстоит дело с доказательствами испанского происхождения данных амфор. В пользу этого, по мнению В.Ю. Ковалья, указывают следующие факты.

1. Амфоры (пифосы) данного производственного центра разных типов встречены в Испании с XIV по XVII в. [Коваль, 2016, с. 120–121]. Здесь можно проследить их эволюционный ряд. Несомненно производство не-

скольких типов тарных сосудов в одном центре с сохранением гончарных традиций.

2. В Испании найдено много целых сосудов. Большинство из них использовались как голосники и закладывались в своды церквей: кафедрального собора Барселоны, базилики Санта-Мария (Аликанте), Сан-Феликс (Сабадель), монастыря Санто-Доминго (Валенсия), Сант-Марти-де-Мата (Маресме), церкви Эль-Кармен (Манреса) [Bevia García, Azuar Ruiz, 2005, p. 89–90, fig. 3, 2; Коваль, 2016, с. 120]. Встречены они и в других регионах Франции и Италии – в жилом доме (Авиньон), зале совета Медичи (Серавецце, Тоскана).

3. Сосуды составляли груз корабля «Les Sorres X», затонувшего неподалеку от Барселоны [Raurich et al., 1992]. В деталях их форма несколько отличается от находок из Золотой Орды, но это, несомненно, та же группа амфор. Отличия могут объясняться разницей в датировке. Находки из затонувшего корабля относятся к периоду 1350–1400 гг., то есть несколько позднее находок с территории Золотой Орды. Они также найдены на нескольких кораблях, затонувших в Атлантическом океане [Bevia García, Azuar Ruiz, 2005, p. 90].

4. Известен еще один случай использования гончарами Андалусии веревочки для проверки стандартности сосудов [Коваль, 2016, с. 118].

5. Мнение испанских исследователей, которые считают, что амфоры производились в Андалусии, вероятно в Севилье [Коваль, 2016, с. 118].

Прежде всего, обратим внимание на то, что, помимо находок в Испании, небольшом районе Приморской Франции и Северной Италии, а также в Золотой Орде, данные амфоры в публикациях не отмечены. Уже это показывает слабую изученность конкретно данной группы керамики. Из того факта, что амфоры выделены пока только в этих двух регионах, не следует, что их привозили из Испании в Золотую Орду. Умозрительное предположение, что их экспортировали из неизвестного нам третьего региона и в Испанию, и Золотую Орду, еще до детального рассмотрения вопроса выглядит столь же весомо, как и гипотеза об их испанском происхождении.

Для всех групп тарной керамики наиболее вероятным предположением будет исполь-

зование их для перевозки вина. Между тем среди многочисленных упоминаний о ввозе вина в Северное Причерноморье испанская продукция не отмечена [Еманов, 1995, с. 57; Карпов, 1990, с. 126–129]. Самым западным центром – экспортером вина значится Марсель. Такое умолчание не является просто следствием плохой сохранности письменных источников. Бурный рост испанского виноделия и экспорт готовой продукции начинается только в XVI в. [Филлипс, 2004, с. 150–152]. В XIV–XV вв. западноевропейская знать вплоть до Англии предпочитала более дорогие, зато сладкие греческие вина [Филлипс, 2004, с. 122–123], в район производства которых входила, естественно, и Южная Италия. Поэтому в период существования золотоордынских городов Испания была скорее не экспортером, а импортером вина. Вероятность того, что испанские вина в этот период вывозились на восток, да еще так далеко, и это никак не отразилось в письменных источниках, близка к нулю. Собственно, эти соображения ранее уже были озвучены [Зенюк, Масловский, 2018, с. 216].

Существуют сообщения о ввозе в Северное Причерноморье оливкового масла [Еманов, 1995, с. 56], но какова вероятность того, что это масло могло поступать из Испании? Его производило все Средиземноморье. Возможно, современные испанцы и считают отечественное масло лучшим в мире, но даже если бы средневековые купцы считали так же, то, учитывая стоимость перевозки, в числе потенциальных центров – экспортеров на территорию Золотой Орды, Испания находилась бы на последнем месте. По нашему субъективному мнению, использование для транспортировки оливкового масла в Золотую Орду сосудов такого большого размера еще более уменьшает такую вероятность. Поставка в амфорах из Испании в Золотую Орду других более экзотических товаров, например засахаренных фруктов, представляется вовсе малореальной.

Хотелось бы услышать примеры из письменных источников о перевозке продовольственных товаров из Испании в Восточное Средиземноморье. Подобное, даже единичное свидетельство было бы очень веским аргументом в пользу гипотезы В.Ю. Ковалю.

Помимо красноречивого молчания письменных источников, против испанского происхождения данной группы керамики говорит то, что все находки, которыми оперируют исследователи данного региона, использовались вторично при строительстве. Испанские исследователи не сомневаются, что перед нами именно специализированная транспортировочная тара, использованная вторично по причине дешевизны [Bevia García, Azuar Ruiz, 2005, p. 90]. О бракованных сосудах в публикациях не говорится. Тогда чем должна объясняться дешевизна? Также вторичным использованием испанские ученые признают перевозку в амфорах рыбы на корабле «Les Sorres X». Между тем местные гончары могли без труда наладить производство специальных сосудов для возведения церквей, но строители предпочитали иметь дело с использованной тарой.

Недостаточность аргументов в пользу локализации производства амфор этой группы в Испании можно продемонстрировать двумя примерами. Использование амфор при строительстве церквей известно и на Руси [Якобсон, 1979, с. 111], но из этого, кажется, уже никто не делает вывода об их местном производстве. Наибольшее число желтоглиняных амфор с воронковидным горлом происходит с корабля, затонувшего у берегов Крыма [Зеленко, 1999, с. 228, рис. 10], тем не менее никто не выдвигает версии об их местном производстве.

Сегодня нет статистических данных о количестве сосудов этой группы в бытовых комплексах и о пространственных границах ее распространения. Нет вовсе никакой информации, присутствуют ли среди керамики Испании этого времени другие виды сосудов из той же формовочной массы. В.Ю. Коваль вынужден признать, что испанскими исследователями не установлено место производства амфор [Коваль и др., 2021, с. 128]. Если одни исследователи указывают на Севилью, то другие считают, что производственный центр расположен где-то между валенсийской Патерной и Каталонией [Bevia García, Azuar Ruiz, 2005, p. 90]. Не будем забывать, что этот производственный центр должен был располагаться в регионе развитого товарного виноделия.

Использование веревочки для проверки стандартности амфор нельзя назвать чем-

то специфичным для Испании. Трапезундские амфоры проверялись подобным образом не столь уж редко и не только в первой четверти XIV века. Такая процедура, как уже было сказано ранее, отмечена для желтоглиняных амфор с воронковидным горлом. Подобная идея вполне могла приходить в голову администраторам разных регионов самостоятельно.

Аргумент о длительности бытования амфор этой группы в Испании [Коваль, 2016, с. 120–121] нуждается в подтверждении пока, и, если не будут выявлены сосуды других видов, изготовленных теми же гончарами. Ведь с тем же успехом данная ситуация объяснима длительностью ввоза в Испанию вин с востока.

Маленьким штришком является несовпадение датировки испанских находок, которые датируются не ранее середины XIV в. [Bevia García, Azuar Ruiz, 2005, p. 90], с находками с территории Золотой Орды, которые, по крайней мере в своем большинстве, датируются первой половиной XIV века. Это показатель точности датировки, доступной испанским археологам.

На сегодня данных, позволяющих предложить убедительную локализацию производства светлоглиняных широкогорлых амфор с оттисками веревочки, недостаточно. Хотя факт поступления их в Испанию на протяжении XIV–XVII вв. позволяет исключить некоторые варианты, остаются еще Кипр, Крит, Южная Италия и другие, менее вероятные регионы, не перешедшие до середины XVI в. под власть турок. Такая неопределенность несколько странна, учитывая, что перед нами продукция высокоразвитого гончарного производства с жесткой стандартизацией, а значит с контролем со стороны властей, из региона с развитым товарным виноделием или (маловероятно) оливководством. Информация о таком центре – импортере в Золотую Орду должна была быть зафиксирована хоть в одном из письменных источников. Среди этих упомянутых центров и следует искать место производства данной группы амфор.

Необходимо накопление информации и выделение этой группы керамики на новых памятниках и в новых регионах. Как уже отмечалось, ее малочисленность отчасти объясняется невнимательностью исследователей.

Светлоглиняные амфоры с росписью

Амфоры этой группы – единственные сосуды, которые с полным правом могут быть названы светлоглиняными (рис. 6, 7). До настоящего времени они, кажется, ни разу не становились предметом изучения. Одним возможным исключением является упоминание их в статье В.И. Волкова, посвященной амфорной таре Азака, если допустить, что она была объединена с другими светлоглиняными амфорами в одну группу [Волков, 1989, с. 97–98, рис. 15,6–9]. Во всяком случае, два рисунка [Волков, 1989, рис. 15,7–8] больше похожи на сосуды этой группы, чем на желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом. Ранее опубликована наиболее сохранный находка, которая тогда была сочтена единичной [Масловский, 2006, с. 360–361, рис. 61,1]. Причина такого невнимания, помимо их несомненной редкости, в том, что отдельные фрагменты сложно даже идентифицировать как амфоры из-за их тонкостенности.

Общее число находок в Азаке на настоящий момент, вероятно, не превышает 2–3 десятков. Помимо Азака, единичные находки сделаны в Укеке. Нет сомнений, что со временем целенаправленный поиск выявит их и в других местах.

Количество визуально заметных примесей в формовочной массе минимально. Исключение составляют крупинки концентрата, заметные главным образом в виде бугорков на поверхности. Есть, однако, единичные образцы с большим содержанием мелкого песка. Черепок имеет сквозной обжиг от светлокофейного до белого цвета с серым или кремовым оттенком. Поверхность обычно светлее излома. Толщина стенок в верхней части сосуда 4–5 мм. В нижней части тулова она возрастает до 1,2–1,3 см.

Сохранился только один экземпляр верхней части амфоры (рис. 7,1–2), несколько фрагментов ручек и обломки различных частей тулова, которые позволяют представить частичную (без дна) реконструкцию облика амфор (рис. 6,1). Горло короткое. Верхние прилепы ручек расположены ниже венчика. Ручки широкие, сильно уплощенные, отходят от места прилепа почти горизонтально и после перегиба опускаются почти вертикально. Ниж-

ний прилеп ручки без дополнительного жгута (рис. 7,2).

Тулово удлиненное, покрыто специфическим, хорошо проработанным рифлением. Часто его бороздки и желобки на верхней части тулова имеют подпрямоугольную форму. Шаг рифления на верхней части тулова увеличивается кверху от 7 до 13 мм. На нижней части тулова рифление становится менее четким. Его шаг возрастает до 2,0–2,5 см. Ни одного донца обнаружить не удалось.

Зафиксировано два размерных стандарта. Наиболее сохранный находка имеет максимальный диаметр тулова в 18 см (рис. 7,1). Более крупные, но хуже сохранившиеся экземпляры, которые составляют большинство, имеют диаметр 33–34 см (рис. 6,4). Есть единичная находка стенки с местом стыковки двух элементов (рис. 7,3–4), которые позволяют предполагать наличие еще более крупных сосудов.

Специфической только для этой группы амфор является роспись, нанесенная на плечи и ручки красной краской в виде спиралей и прямых линий (рис. 6,2–3, 7,1–2). То, что роспись наносилась не только на малые амфоры, но и на амфоры основного стандарта, доказывают потеки и капли краски на нижней части тулова (рис. 6,3–4) и роспись на крупной ручке (рис. 6,2).

Хронология их поступления из-за малого числа находок может быть определена пока предварительно в пределах первой половины – середины XIV века. Возможно, следует сузить период их поступления на территорию Золотой Орды до второй четверти – середины XIV века.

Единственной аналогией, которую можно провести, являются светлоглиняные амфоры с росписью из Коринфа [Sanders, 1987, p. 187–189, fig. 8, 9, 33–34, pl. XXIV, 31]. Их роднит светлый черепок, одинаковая профилировка горла и ручек и идентичная по мотивам роспись. Близки они и по хронологии. Однако в коринфских амфорах присутствует значительная примесь разноцветных минеральных частиц. Заметно отличаются золотоордынские находки по пропорциям и профилировке тулова. Очевидно, перед нами продукция иного центра. Тем не менее коринфские амфоры указывают направление для возможного поиска центра производства этой группы амфор.

Лепные кувшины

На территории Золотой Орды помимо амфор встречены также тарные лепные кувшины (рис. 8–11). Выделяются две очень неодинаковые по численности группы, которые, вместе с тем, обладают некоторыми общими чертами морфологии и технологии: 1) отсутствие следов использования гончарного круга для заглаживания поверхности; 2) для конструирования сосудов применялся донный начин и спиральный ленточный налеп; 3) большая часть сосудов покрыта специфическими только для этой группы керамики расчесами; 4) ручки орнаментированы одиночными глубокими насечками.

Вместе с тем очевидно, что эти две группы кувшинов производились в разных центрах, но, вероятно, расположенных в одном регионе. Ранее краткая информация о них была приведена в классификации керамики Азака, где они получили обозначение «группа 34» [Масловский, 2006, с. 447–449, рис. 55,2–4].

До настоящего времени отдельных развернутых публикаций, посвященных этим лепным кувшинам, сделано не было.

Коричневые лепные кувшины

Основную массу находок составляют кувшины подгруппы 34А по классификации материалов Азака [Масловский, 2006, с. 447, рис. 55,2] (рис. 8–10). Помимо Азака они отмечены в Чембало [Адаксина и др., 2006, рис. 79,12; 2014, с. 104], Укеке, на Тамани³. Несомненно, целенаправленный поиск расширит географию находок на территории Золотой Орды. В Азаке общее число подобных кувшинов за последние десятилетия составило, вероятно, значительно более тысячи единиц. Один кувшин был восстановлен (рис. 9,2). Форму второго сосуда удалось реконструировать графически (рис. 9,1). Кроме того, было собрано несколько десятков обломков венчиков, ручек и донец (рис. 9,3–8, 10,3–8).

Формовочная масса насыщена большим количеством мелких (доли миллиметра) разноцветных минеральных частиц, из-за чего фактура черепка мелкозернистая. Наиболее заметной примесью являются мелкие блестящие золотистые чешуйки, размеры которых

могут достигать 1 мм. Впрочем, концентрация этой примеси нестабильна и может быть небольшой. Могут встречаться отдельные мелкие включения бурого железняка и крупинки мелкой дресвы.

Обжиг, как правило, сквозной. Его цветность колеблется от темно-коричневого до красно-коричневого или буро-коричневого. Трехслойный обжиг с серой или светло-бурой внутренней прослойкой может фиксироваться в ручках и придонных частях.

Все сосуды относятся к одному типу двухручных кувшинов. Венчик высокий, полуовальный в сечении, со скругленным верхним краем. Горло высокое, с плавным переходом в высокие плечи. Тулово яйцевидное с местом максимального диаметра чуть выше середины сосуда. Верхний прилеп ручки расположен под венчиком. Нижний прилеп находится чуть выше места максимального диаметра. Дополнительный жгут на внутренней стороне нижнего прилепа ручки отсутствует. Ручки широкие (4,5–6 см) при толщине не более 1,5 см, слабоизогнутые. На внутренней стороне стенок, в местах прилепов ручек, хорошо заметны многочисленные вмятины от пальцев.

За единичными исключениями (рис. 9,6), ручки всегда орнаментированы вертикальным рядом одиночных глубоких насечек (рис. 9,2,7–8, 10,3–5). У основания ручки ряд из 3, реже 4 насечек (рис. 9,2, 10,3–4). На доньях фиксируются (не всегда) следы подсыпки из тонко просеянной золы. Редко можно заметить не очень аккуратные следы подрезки дна.

Вся поверхность большинства сосудов с обеих сторон покрыта расчесами (рис. 8,2–6). Не покрывались расчесами донья и узкие полоски придонной части тулова (рис. 8,5–6), а также венчики и участки горла выше прилепов ручек (рис. 8,1–2). Пока не удалось установить, чем они наносились. Валики и бороздки расчесов имеют округлые профили. Бороздки уже валиков. Ширина полосок расчесов колеблется от 1 до 3 мм часто в пределах одного участка сосуда. Чаше расчесы горизонтальные (рис. 8,4–6), но встречены вертикальные и косые расчесы. Причем все они могут быть отмечены на одном участке сосуда (рис. 8,3, 9,2).

Реконструируемая высота до 50 см. Максимальный диаметр тулова кувшинов 24–

25 см. Диаметр венчика – 9–10 см. Диаметр дна – 14–15,5 см. Толщина стенок, несмотря на технику изготовления и большие размеры сосудов, составляет обычно 5–6 мм и редко достигает 8 мм.

Внутренняя поверхность кувшинов иногда покрыта черным налетом. Еще одной особенностью являются граффити на плечиках кувшинов (рис. 9,2, 10,1–2).

Хронология данной группы керамики по своему уникальна для керамических импортов Золотой Орды. Она встречена и в самых ранних (конец XIII в.), и в наиболее поздних (конец XIV в.) комплексах Азака. При этом не прослеживается каких-либо изменений ни в формах изделий, ни в их количестве.

Локализация места производства таких кувшинов является загадкой. С одной стороны, налицо стандартизация производства и пусть не большой по объему, но стабильный экспорт на протяжении длительного временного отрезка. С другой стороны, как это могло сочетаться с предельно низким технологическим уровнем производства, который резко ограничивал его объемы? Это кажется взаимоисключающим. Вряд ли таким центром мог быть крупный город. И маловероятно расположение этого региона за пределами Северного Причерноморья.

Темно-красные лепные кувшины

По сравнению с предыдущей группой, численность темно-красных лепных кувшинов, даже в Азаке, меньше на два порядка (рис. 11). Впервые они были выделены в Азаке под названием группа 34Б [Масловский, 2006, с. 447, рис. 55,4]. За его пределами встречены при раскопках Судака. Общее число находок не превышает двух-трех десятков. Ни одного сколь-нибудь полного экземпляра до сих пор не встречено. Не ясно даже, были эти кувшины одно- или двуручными. Оказалось возможным выполнить графическую реконструкцию одного сосуда до места максимального диаметра тулова (рис. 11,3).

Для их производства использовалась пластичная глина с небольшой добавкой цветного, слабо окатанного песка с размером частиц до 1 мм. Фиксируются фракции черных блестящих, прозрачных, молочно-белых и ко-

ричевых частиц. Черепок сквозного обжига темно-красного или красно-коричневого цвета. Поверхность темнее излома. Внешняя поверхность подложена.

Венчик слабо выделен (рис. 11,1–2). Вероятно, его форма вообще не была стандартизирована. Горло высокое, плавно расширяется в плечи. Высота плечиков ниже, чем у коричневых лепных кувшинов. Верхний прилеп ручек на средней части горла. Ручки дуговидные и очень массивные, в сечении овальной формы (4–4,5 × 2–3 см). На внутренней стороне стенок, в месте прилепа ручек, хорошо заметны отпечатки пальцев. Характерной особенностью крепления ручек является продавливание их оснований сквозь стенку (рис. 11,4). Ручки орнаментированы длинными и очень глубокими нарезками по три на средней части ручки и от 5 до 7 на краях.

На плече, чуть выше прилепа ручек, ряд из овальных косых отпечатков (рис. 11,1,3). Расчесы нанесены только на внешнюю поверхность кувшинов, кроме узкой полосы горла под венчиком. Они менее заметны по сравнению с коричневыми кувшинами. В пределах даже одного участка сосуда встречаются горизонтальные, вертикальные и косые расчесы.

Хронология их поступления в Золотую Орду из-за малочисленности пока неясна. Локализация места их производства столь же загадочна, как и коричневых лепных кувшинов. Единственно, что можно утверждать более или менее определенно, что производственные центры, выпускавшие эти сосуды, располагались в пределах одного этнокультурного региона.

Пифосы с трапецевидным венчиком

Пифосы двух различных производственных центров имеют почти идентичную морфологию, хронологию и ареал поступления, что позволяет дать здесь их общую характеристику (рис. 12).

При всей их малочисленности, пифосы этих групп встречены на многих приморских поселениях Приазовья [Волков, 2003, с. 113, рис. 6,5–6; Масловский и др., 2021, с. 236], и Северо-Восточного Причерноморья [Зажигина, 1996, с. 118–119, рис. 3,1; Жеребилов,

Масловский, 2016, с. 12, рис. 1,8], а также в Азаке [Масловский, 2006, с. 387, 390–391, рис. 32,12–13], где найден 1 венчик, 3 донца и некоторое количество стенок. Помимо территории собственно Золотой Орды они отмечены также в Херсонесе [Якобсон, 1966, с. 199–200, рис. 8], где тоже являются импортами. На поселениях, расположенных неподалеку от моря, их количество составляет десятки доли процента всего комплекса [Жеребилов, Масловский, 2016, с. 12]. Учитывая, сколь громоздкие и неудобные для транспортировки сосуды перевозили в дальнейшем между регионами Золотой Орды, исключать возможность встретить данные пифосы в Поволжье нельзя.

Пифосы первой «коричневой» группы изготовлены из глины с примесью дресвы из смеси разноцветных минералов размером от 1–2 до 5 мм, а также крупными рыхлыми железистыми включениями. Обжиг черепка – оттенки коричневого цвета.

Пифосы второй «оранжевой» группы изготовлены из глины с примесью дресвы, состоящей преимущественно из полупрозрачного или молочного кварца с характерными крупными золотистыми чешуйками. Черепок оттенков светло-желтого или светло-оранжевого цвета. Поверхность покрыта оранжевым ангобом (?).

При их изготовлении использовали кольцевой ленточный налеп (рис. 12,15). Донце и венчик наклеивались отдельно. Донце изготавливалось из нескольких порций глины (рис. 12,14).

Сосуды имеют близкое к шаровидному тулово (рис. 12,1). Венчик трапециевидный с угловатым контуром (рис. 12,2–8,10–11). Донце маленькое, уплощенное (рис. 12,13–14). На плечах и выделенной шейке мог использоваться орнамент из налепного валика с оттиснутыми медальонами (рис. 12,8–9), наколов (рис. 12,6) или зигзагообразных линий (рис. 12,12). Факт их перевозки морем засвидетельствован в материалах кораблекрушения в бухте Судак-Лимен [Зеленко, 1999, с. 225, рис. 3,2,3].

На территорию Золотой Орды ввозились, вероятно, не самые крупные пифосы, которые, судя по находкам из Херсонеса, имели следующие размеры: высота – 80 см, диаметр тулова – 60–65 см [Якобсон, 1966, с. 199]. Опу-

ликованный образец имеет следующие размеры: диаметр – около 58 см (рис. 12,12), диаметр венчика – около 25 см, диаметр дна – 9–11 см. Таким образом, размеры этих пифосов не намного превышают размер наиболее крупных амфор.

Пифосы этих двух групп поступали на территорию Золотой Орды во второй половине XIII в., что делает их хорошим хрономаркером для выделения материалов этого периода.

Вопрос о месте производства пифосов с трапециевидным венчиком затруднительно даже ставить, поскольку в большинстве работ считается само собой разумеющимся изготовление пифосов исключительно на месте их использования, о чем говорят и письменные источники. Единственная наша подсказка – кораблекрушение в бухте Судак-Лимен. Однако груз корабля, совершенно очевидно, загружался далеко не в одном пункте.

Массивные пифосы

Помимо относительно небольших пифосов, на территорию Золотой Орды могли ввозиться и сосуды высотой в 1,5–2 м (рис. 13,1–4). Пока они зафиксированы только в Азаке, где свидетельства о них представлены десятком обломков. Из профильных фрагментов встречены только венчики. Даже при небольшом количестве очевидно, что ввоз крупных пифосов происходил из разных центров. Для изготовления использовались глины с примесью крупной (до полсантиметра) дресвы из смеси минералов и разноразмерных железистых частиц. Черепок от светло-красного до красно-коричневого цвета. Венчики массивные с обтекаемыми подтреугольными сечениями.

Конечно, могут быть высказаны сомнения, что крупные пифосы поступали в Азак вместе с содержимым, а не в качестве пустой тары для переселенцев, привыкших к их использованию.

Помимо вышеописанных групп тарной керамики, при раскопках золотоордынских памятников время от времени находят обломки амфор и пифосов других производственных центров. В большинстве своем это единичные обломки или очень небольшие их серии, которые в настоящее время еще не получили

полноценного описания. Их систематизация еще предстоит.

В качестве примера приведем верхнюю часть амфоры с петлевидными ручками из раскопок Азака (рис. 13,5–6). Она была найдена в 2000 г. и длительное время считалась изолированной находкой и опубликована именно в таком качестве [Масловский, 2006, с. 460–461, рис. 61,1]. Только в последние годы было обнаружено несколько единичных стенок, которые позволили установить, что перед нами все-таки образцы еще одной серийно поступавшей группы амфор. Глина с примесью минимального количества частиц, которые скорее фиксируются в виде мелких бугорков на поверхности. Также глина содержит редкие мелкие (1–2 мм) частицы оолитовой извести, с кратерообразными сколами вокруг них, хорошо заметные на внешней поверхности. Обжиг трехслойный, что является общим признаком группы. Внутренняя прослойка светло-серая, с размытыми границами. Горло узкое (7 см), короткое, с трапециевидным венчиком. Максимальный диаметр около 31 см. У основания проходит ряд из парных скобообразных оттисков. Ниже поверхность покрыта мягким рифлением, шаг которого увеличивается к месту максимального диаметра с 1 до 2 см.

Несмотря на многолетние исследования, работа по выявлению и классификации импортов Золотой Орды далека от своего завершения. Во многом полнота наших знаний зависит от внимания к фрагментарному и

массовому материалу. Без этой трудоемкой работы невозможно представить себе всю полноту торговых связей Золотой Орды. Однако даже та информация, которая уже собрана, показывает, что число групп импортной тарной керамики значительно превышает те две-три группы, на которые обычно обращают внимание исследователи. При обработке массовых комплексов керамических материалов из культурных напластований золотоордынских городов и селений мы хотим привлечь внимание коллег к выделению еще восьми групп импортных тарных сосудов – трех групп амфор, трех групп пифосов и двух групп лепных кувшинов.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках Государственного задания Института истории и археологии Византии и Причерноморья Севастопольского государственного университета «Комплексное историко-археологическое изучение Византии и Причерноморья в период поздней Античности и Средние века» (FEFM-2025-0002).

This research was carried out under the State Assignment of the Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Sevastopol State University: “Comprehensive Historical and Archaeological Study of Byzantium and the Black Sea Region in Late Antiquity and the Middle Ages” (FEFM-2025-0002).

² Благодарим за все консультации по материалам Укека автора раскопок Д.А. Кубанкина.

³ Информация И.В. Волкова.

ПРИЛОЖЕНИЯ

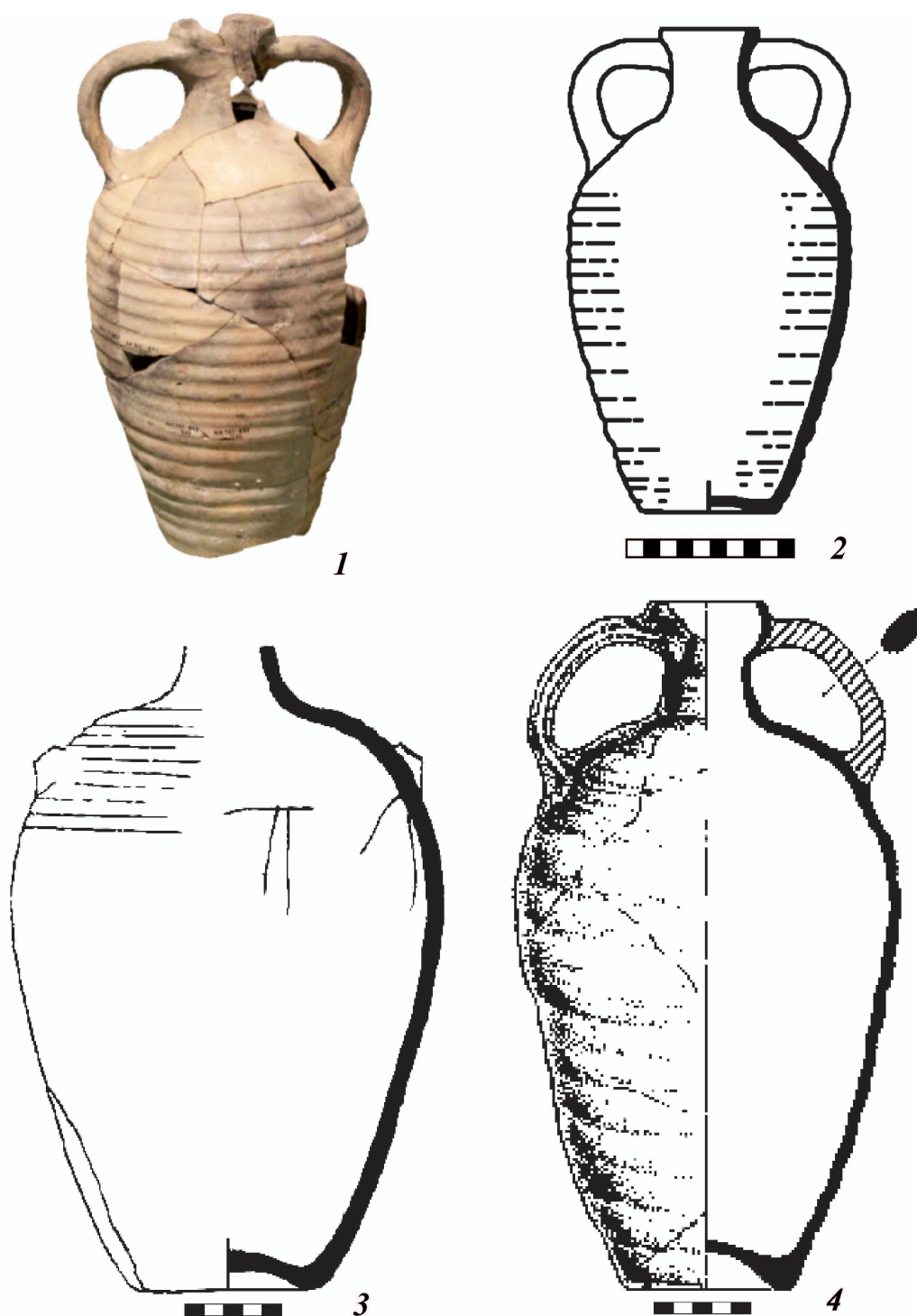

Рис. 1. Желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом
(1–2 – Болгар; 3 – Новый Свет; 4 – Железнодорожное 2 (3–4 по: [Майко и др., 2014]):

1 – Болгар, экспозиция музея (фото А.Н. Масловский); 2 – Болгар, прорисовка по фотографии А.Н. Масловского;
3 – Новый Свет; 4 – Железнодорожное 2, яма 203

Fig. 1. Yellow clay amphorae with funnel-shaped necks (3–4 after: [Maiko et al., 2014]):

1 – Bolgarmuseum exposition (photo by A.N. Maslovskiy); 2 – Bolgar, drawing based on a photograph
by A.N. Maslovskiy; 3 – Novy Svet; 4 – Zheleznodorozhnoye 2, pit 203

Рис. 2. Желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом, публикуется впервые (1–2, 4–6 – Азак; 3 – Укек) (фото и рисунки выполнены авторами):

1 – ул. Советская, 26, Р-1, яма 6 (2014); 2 – ул. Ленинградская, 42, Р-1, кв. 21, пл. 9 (1985);
3 – 10-й Увекский проезд, 1, Р-1, кв. 2Г (2024); 4–6 – Петровский бульвар, 7, Р-2, кв. 7В, пл. 2 (2013);
5 – фрагмент тулова амфоры (А – следы мерного тройного шнура; Б – место стыка);
6 – профиль фрагмента тулова амфоры с местом стыка двух элементов

Fig. 2. Yellow clay amphorae with funnel-shaped neck, first publication (1–2, 4–6 – Azak; 3 – Ukek) (first publication, photo and drawing by the authors):

1 – Sovetskaya St, 26, Ex-1, pit 6 (2014); 2 – Leningradskaya St, 42, Ex-1, sq. 21/1.9 (1985); 3 – 10th Uveysky proezd, 1, Ex-1, sq. 2Г (2024); 4–6 – Petrovsky boulevard, 7, Ex-2, sq. 7В/1.2 (2013); 5 – body fragment of the amphora (А – traces of a measured triple cord; Б – the place of the joint);
6 – profile of body fragment of the amphora with the joint of two elements

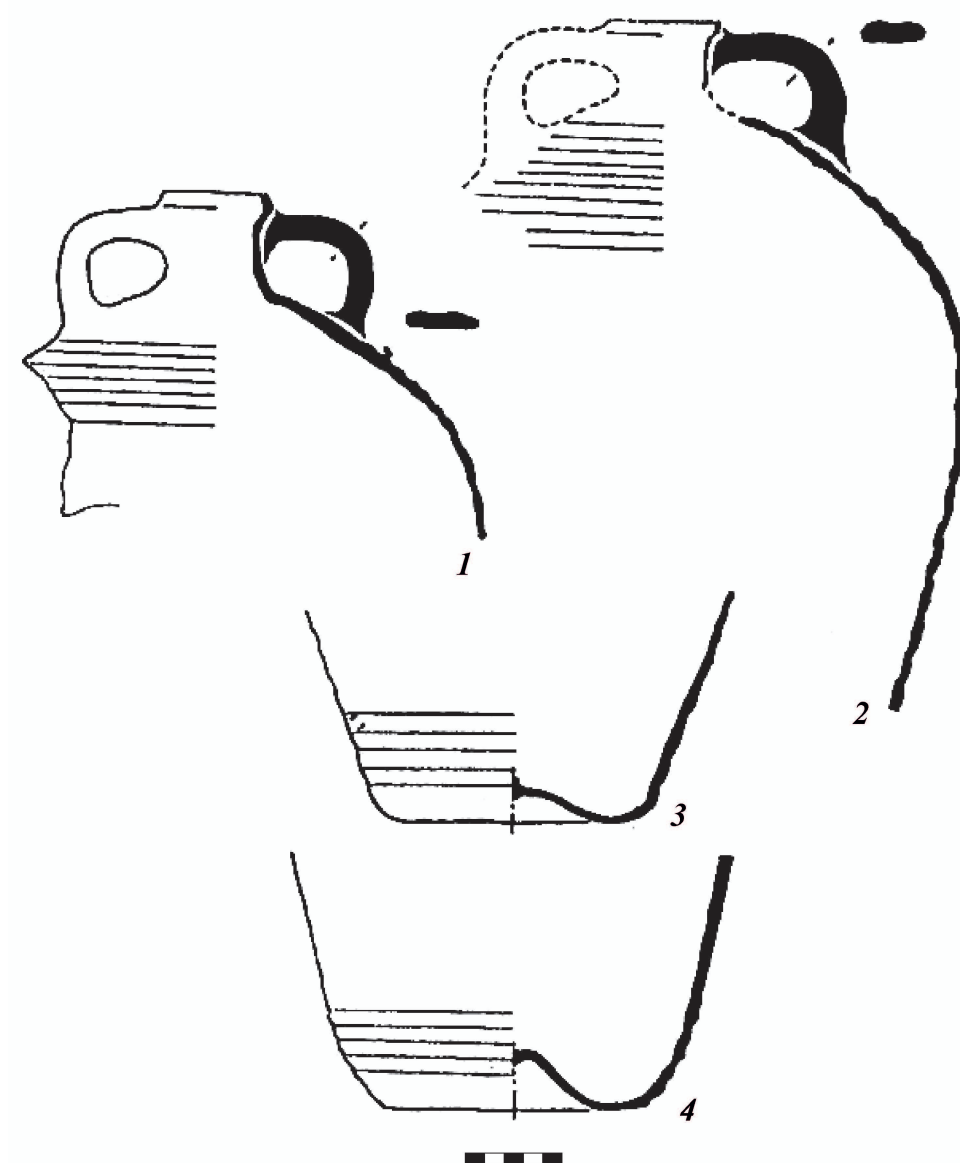

Рис. 3. Желтоглиняные амфоры с воронковидным горлом. Новый Свет (по: [Зеленко, 1999])

Fig. 3. Yellow clay amphorae with a funnel-shaped neck. Novyy Svet (after: [Zelenko, 1999])

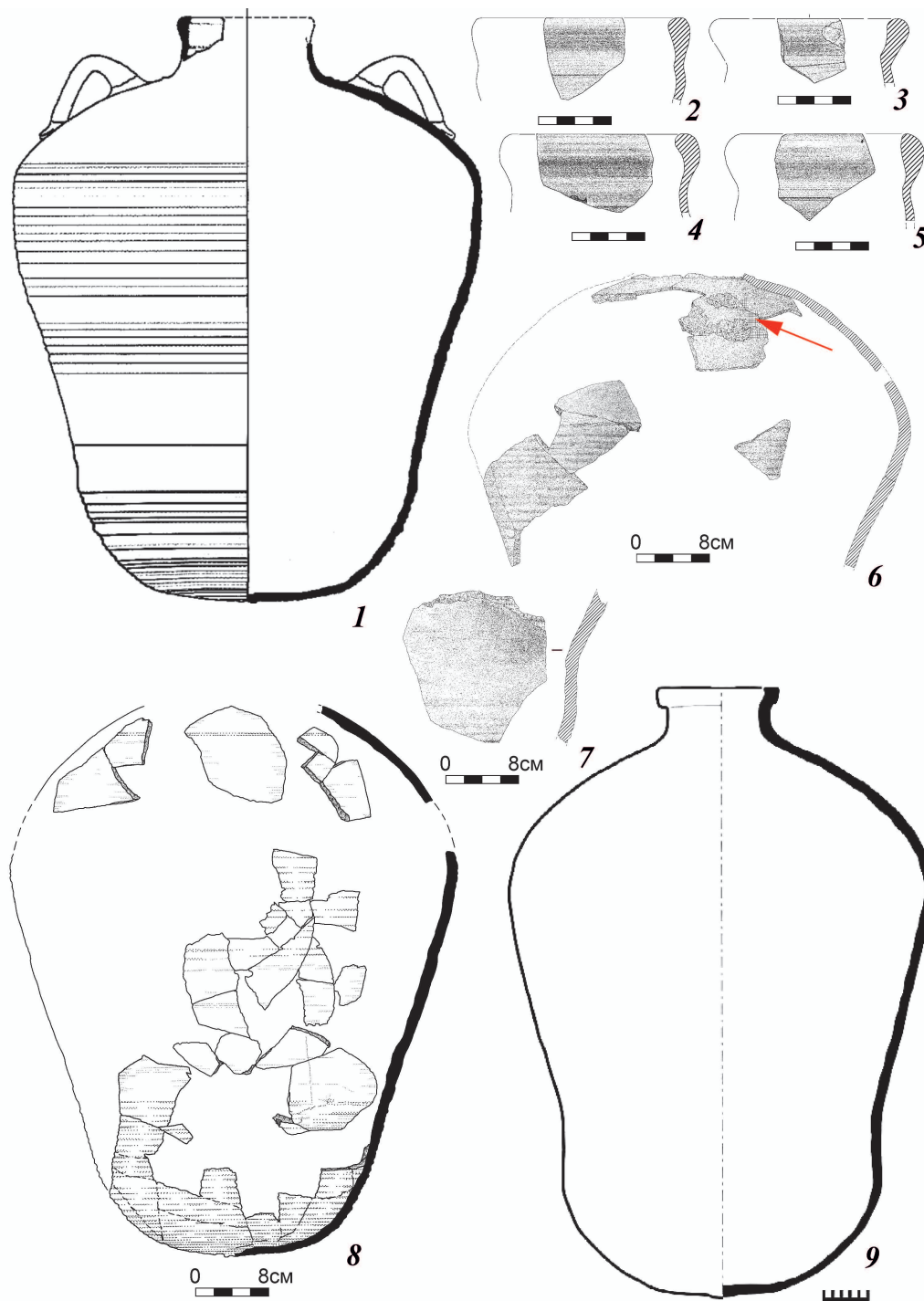

Рис. 4. Светлоглиняные широкогорлые амфоры (1 – Болгар (по: [Волков, Губайдуллин, 2012]); 2–8 – Азак; 9 – Феодосия (по: [Зеленко и др., 2016]) (2–8 публикуется впервые, рисунки авторов):
1 – P-CLXXII; 2 – парк Социалистический, P-1, яма 5 (1975); 3 – Петровский бульвар, 8–14, P-1, кв. 84/4 (2019);
4–5 – Петровский бульвар, 7, P-2, жил. 5 (2013); 6 – Петровский бульвар, 20, P-16, уч. 12, пл. 6 (2019);
7 – Петровский бульвар, 38-22, P-1, жил. 7 (2019); 8 – ул. Московская, 38/40, P-1, яма 1 (1994); 9 – акватория Феодосии

Fig. 4. Light-clay broad-necked amphorae (1 – Bolgar (after: [Volkov, Gubaidullin, 2012]); 2–8 – Azak;
9 – Theodosia (after: [Zelenko et al., 2016])) (2–8 first publication, drawing by the authors):
1 – Ex-CLXXII; 2 – Socialisticheskyy Park, Ex.-1, pit 5 (1975); 3 – Petrovsky Boulevard, 8–14, Ex.-1, sq. 84/4 (2019);
4–5 – Petrovsky Boulevard, 7, Ex.-2, dw. 5 (2013); 6 – Petrovsky Boulevard, 20, Ex.-16, sq. 12/6 (2019);
7 – Petrovsky Boulevard, 38-22, Ex.-1, dw. 7 (2019); 8 – Moskovskaya St, 38/40, Ex.-1, pit 1 (1994); 9 – water area of Theodosia

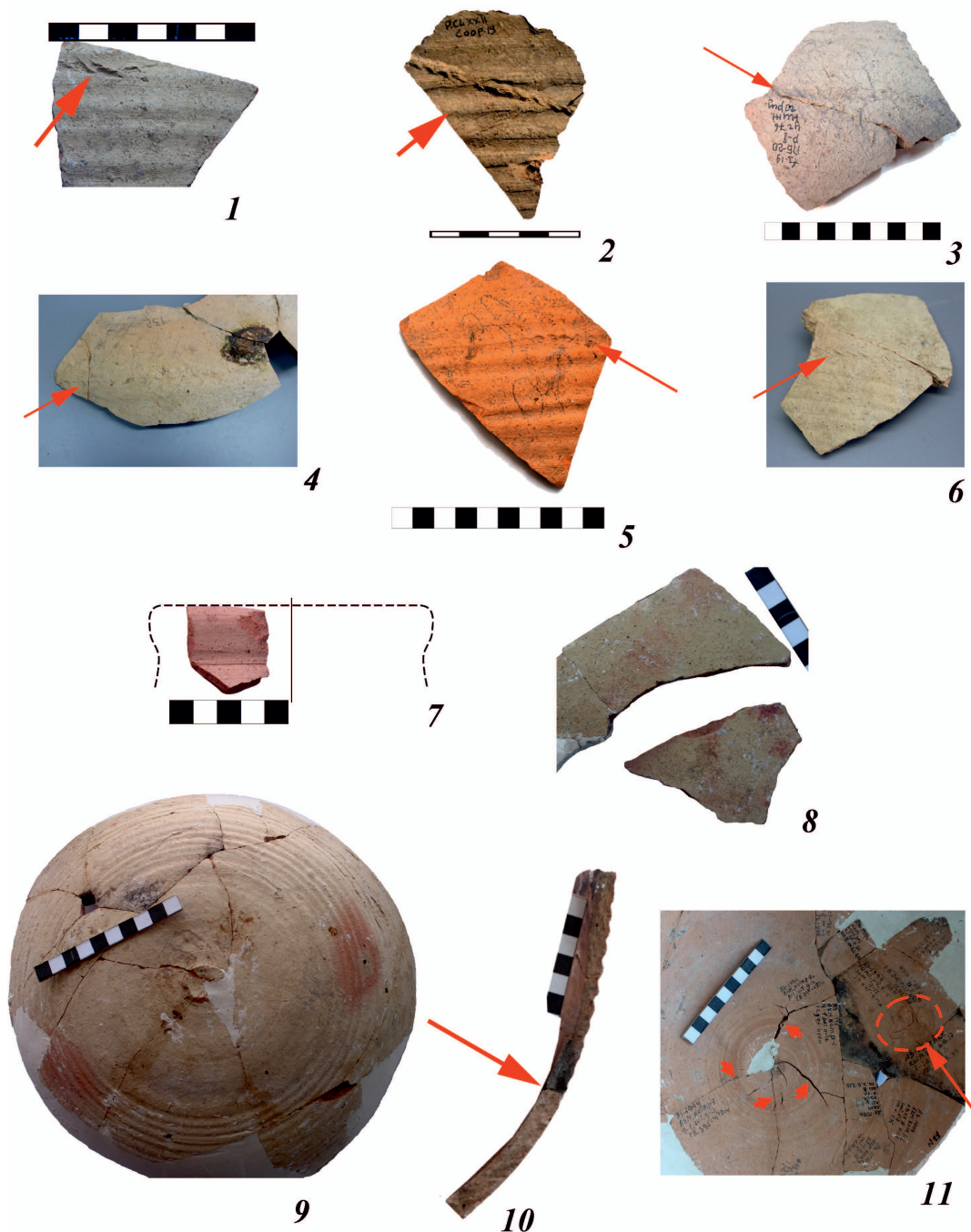

Рис. 5. Светлоглиняные широкогорлые амфоры (1, 3–11 – Азак (публикуется впервые, фото и рисунки авторов; 2 – Болгар (по: [Волков, Губайдуллин, 2012]));

1–6 – отпечаток мерного шнура; 7 – венчик амфоры; 8 – стенка с дипинти; 9–11 – дно амфоры.

1, 8–11 – ул. Московская, 38/40, Р-1, яма 1 (1994); 2 – Р-CLXXII, соор. 19; 3 – Петровский бульвар, 20, Р-1, уч. 76 (2019); 4 – Петровский бульвар, 5, Р-1, яма 4 (2012); 5 – Петровский бульвар, 20, Р-1, уч. 71, пл. 2 (2019); 6 – Петровский бульвар, 20, Р-16, уч. 12, пл. 6 (2019); 7 – Петровский бульвар, 8–14, Р-1, уч. 84, пл. 4 (2019)

Fig. 5. Light clay wide-necked amphorae (1, 3–11 – Azak (first publication, photo and drawing by the authors; 2 – Bolgar (after: [Volkov, Gubaidullin, 2012]));

1–6 – imprint of a measuring cord; 7 – corolla of amphora; 8 – wall with dipinti; 9–11 – bottom of amphora.

1, 8–11 – Moskovskaya St, 38/40, Ex-1, pit 1 (1994); 2 – P-CLXXII, dw. 19; 3 – Petrovsky boulevard 20, R-1, sec. 76 (2019); 4 – Petrovsky Boulevard, 5, Ex-1, pit 4 (2012); 5 – Petrovsky Boulevard, 20, Ex-1, sec. 71, sq. 2 (2019); 6 – Petrovsky Boulevard, 20, Ex-16, sec. 12, str. 6 (2019); 7 – Petrovsky Boulevard, 8–14, Ex-1, sec. 84, str. 4 (2019)

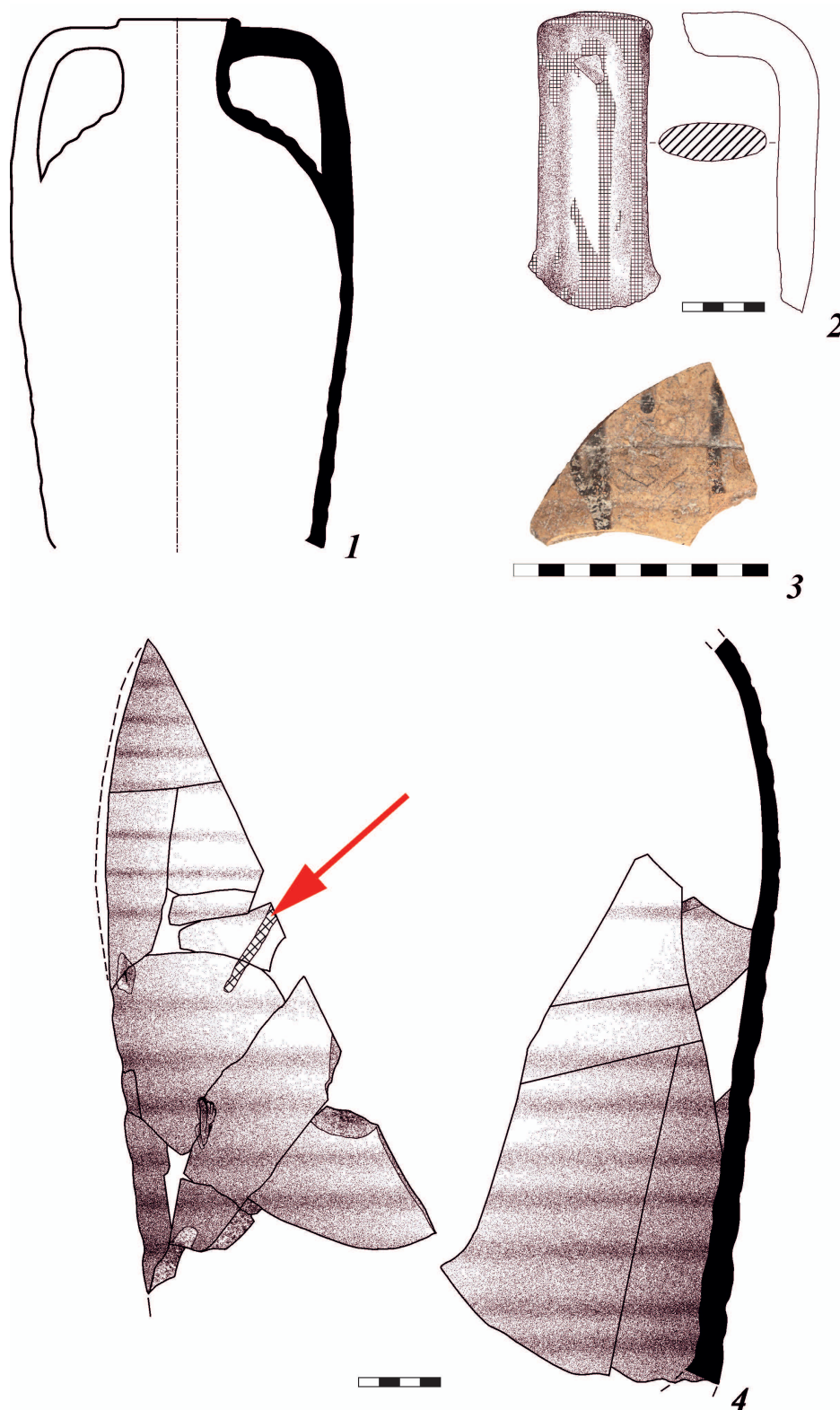

Рис. 6. Светлоглиняные расписные амфоры. Азак (публикуется впервые, фото и рисунки авторов):

1 – реконструкция; 2 – ул. Московская, 38/40, Р-1, яма 4 (1996); 3 – Петровский бульвар, 8–14, Р-1, уч. 92, пл. 5 (2019); 4 – Привокзальная пл., Р-1, кв. 12Б, горн 5

Fig. 6. Light clay painted amphorae. Azak (first publication, photo and drawing by the authors):

1 – reconstruction; 2 – Moskovskaya St, 38/40, Ex-1, pit 4 (1996); 3 – Petrovsky Boulevard, 8–14, Ex-1, sec. 92, str. 5 (2019); 4 – Privokzalnaya Sq., Ex-1, sq. 12B, horn 5

Рис. 7. Светлоглиняные расписные амфоры. Азак (публикуется впервые, фото и рисунки авторов):

1–2 – ул. Чехова, 8, Р-1, яма 14 (1991); 3–4 – Привокзальная пл., 6Б, Р-1, яма 12 (2012)

Fig. 7. Light clay painted amphorae. Azak (first publication, photo and drawing by the authors):

1–2 – Chekhova St, 8, Ex-1, pit 14 (1991); 3–4 – Privokzalnaya Sq., sq. 6Б, Ex-1, pit 12 (2012)

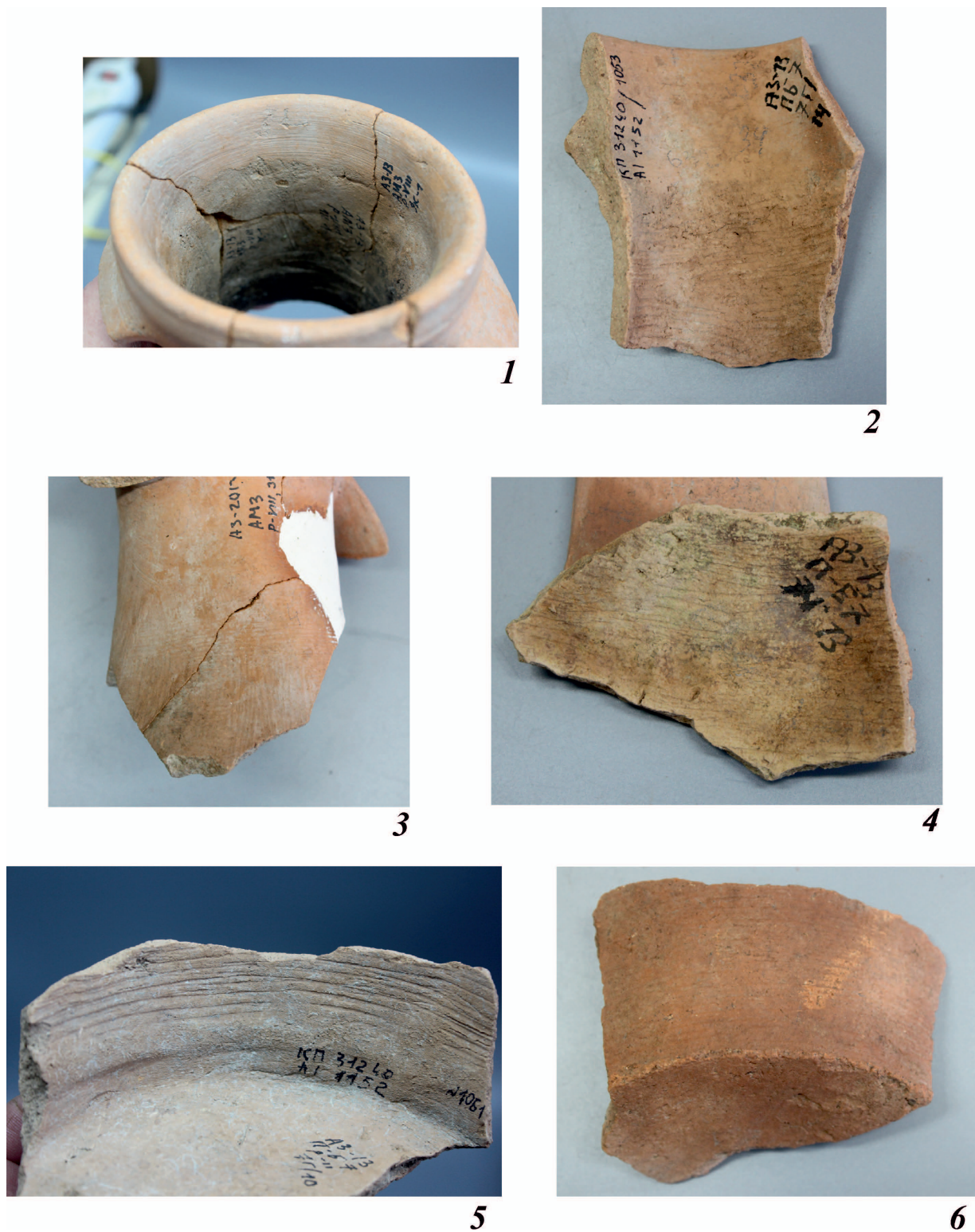

Рис. 8. Коричневые лепные кувшины. Азак (публикуется впервые, фото авторов):
1, 3 – ул. Московская, 38/40, Р-8, жил. 1 (2013); 2, 4–6 – Петровский бульвар, 7, Р-2, жил. 5 (2013)

Fig. 8. Brown molded jugs. Azak (first publication, photoby the authors):
1, 3 – Moskovskaya St, 38/40, Ex-8, dw. 1 (2013); 2, 4–6 – Petrovsky Boulevard, 7, Ex-2, dw. 5 (2013)

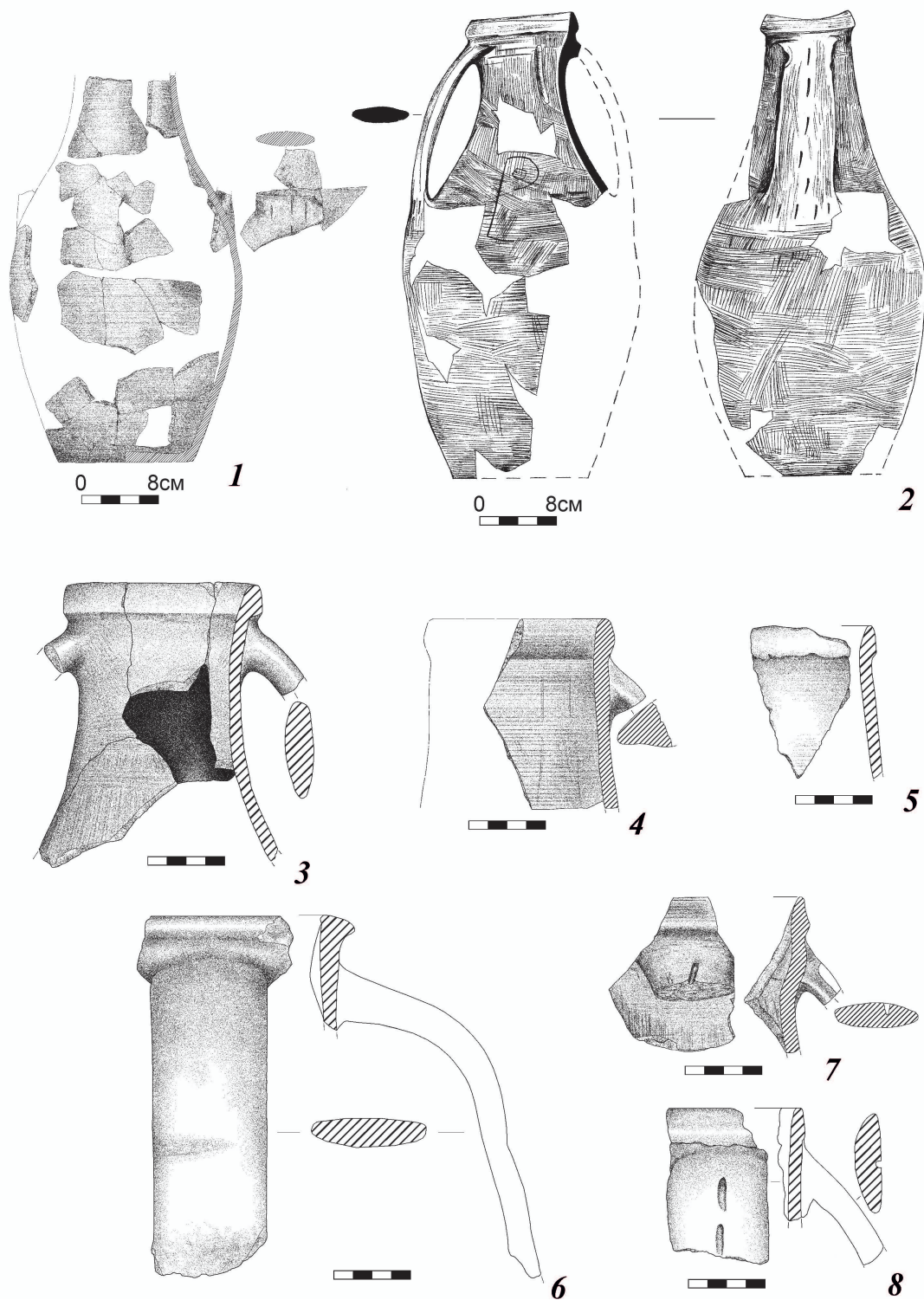

Рис. 9. Коричневые лепные кувшины. Азак (публикуется впервые, рисунки авторов):

1 – ул. Московская, 47, тр. (2013); 2 – ул. Макаровского, 7, Р-1, яма 2 (1998); 3 – ул. Московская, 38/40, Р-8, жил. 1 (2013); 4–5, 8 – Петровский бульвар, 7, Р-2, жил. 5 (2013); 6 – Пролетарский спуск, 20, Р-1, кв. 2В;
7 – Социалистический спуск, 53, Р-1, яма 7 (2014)

Fig. 9. Brown molded jugs. Azak (first publication, drawing by the authors):

1 – Moskovskaya St, 47, trench (2013); 2 – Makarovskiy St, 7, Ex-1, pit 2 (1998); 3 – Moskovskaya St, 38/40, Ex-8, dw. 1 (2013);
4–5, 8 – Petrovskiy Boulevard, 7, Ex-2, dw. 5 (2013); 6 – Proletarskiy Spusk, 20, Ex-1, sq. 2B;
7 – Socialisticheskiy Spusk, 53, Ex-1, pit 7 (2014)

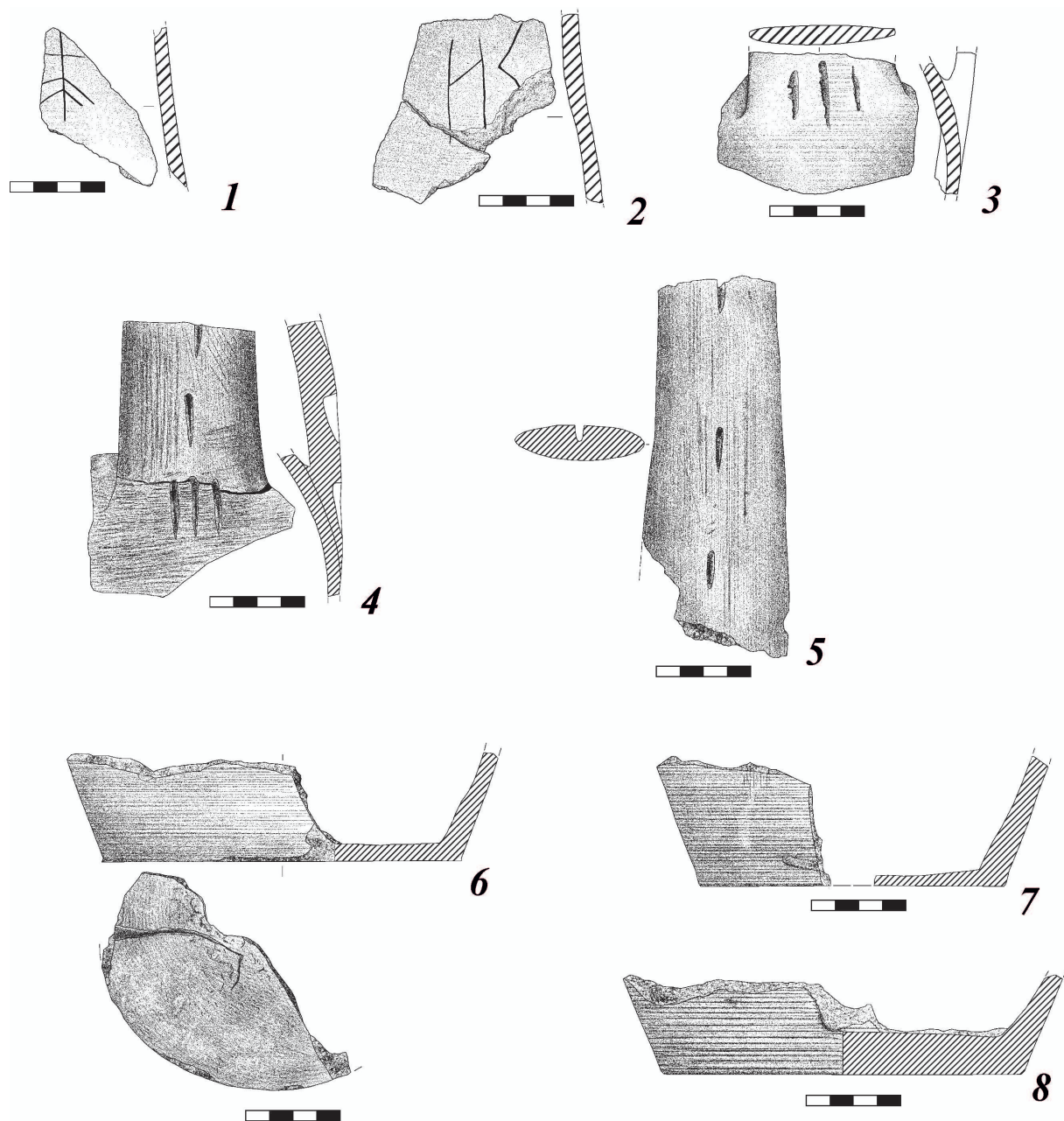

Рис. 10. Коричневые лепные кувшины. Азак (публикуется впервые, рисунки авторов):

- 1, 4, 6, 7 – Петровский бульвар, 7, Р-2, жил. 5 (2013); 2 – ул. Лермонтова, 40, Р-1, кв. 2А, пл. 8 (2014);
3 – Социалистический спуск, случ. находка (1980); 5 – ул. Ленина, 8, тр. яма 1 (1982);
8 – Петровский бульвар, 20, Р-2, кв. 7Б, пл. 6 (2019)

Fig. 10. Brownmoldedjugs. Azak (first publication, drawing by the authors):

- 1, 4, 6, 7 – Petrovsky Boulevard, 7, Ex-2, dw. 5 (2013); 2 – Lermontova St, 40, Ex-1, sq. 2A, str. 8 (2014);
3 – Socialistichesky Spusk, chance find (1980); 5 – Lenin St, 8, trench, pit 1 (1982);
8 – Petrovsky Boulevard, 20, Ex-2, sq. 7B, str. 6 (2019)

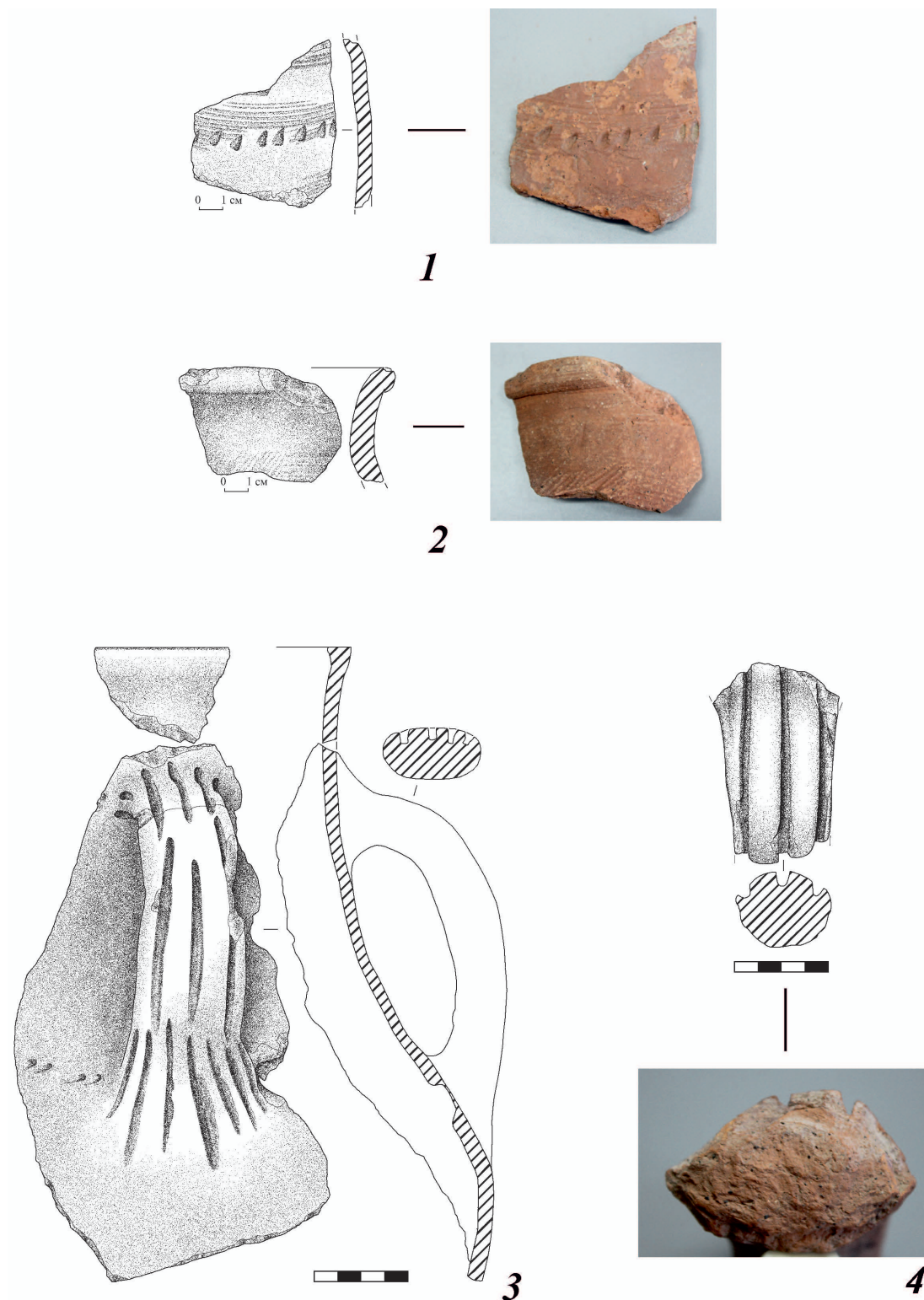

Рис. 11. Темно-красные лепные кувшины. Азак (публикуется впервые, фото и рисунки авторов):

1 – ул. Чехова, Р-1, кв. 9Б, пл. 1 (2008); 2 – Петровский бульвар, 20, Р-16, уч. 4, пл. 6 (2019);
3 – ул. К. Либкнехта, 12, Р-2, жил. 1 (2003); 4 – ул. Мира, случ. находка (1960-е гг.)

Fig. 11. Dark-red molded jugs. Azak (first publication, photo and drawing by the authors):

1 – Chekhova St, Ex-1, sq. 9Б, str. 1 (2008); 2 – Petrovsky Boulevard, 20, Ex-16, sec. 4, str. 6 (2019);
3 – K. Libknekhta St, 12, Ex-12, dw. 1 (2003); 4 – Mira St, chance find (1960s)

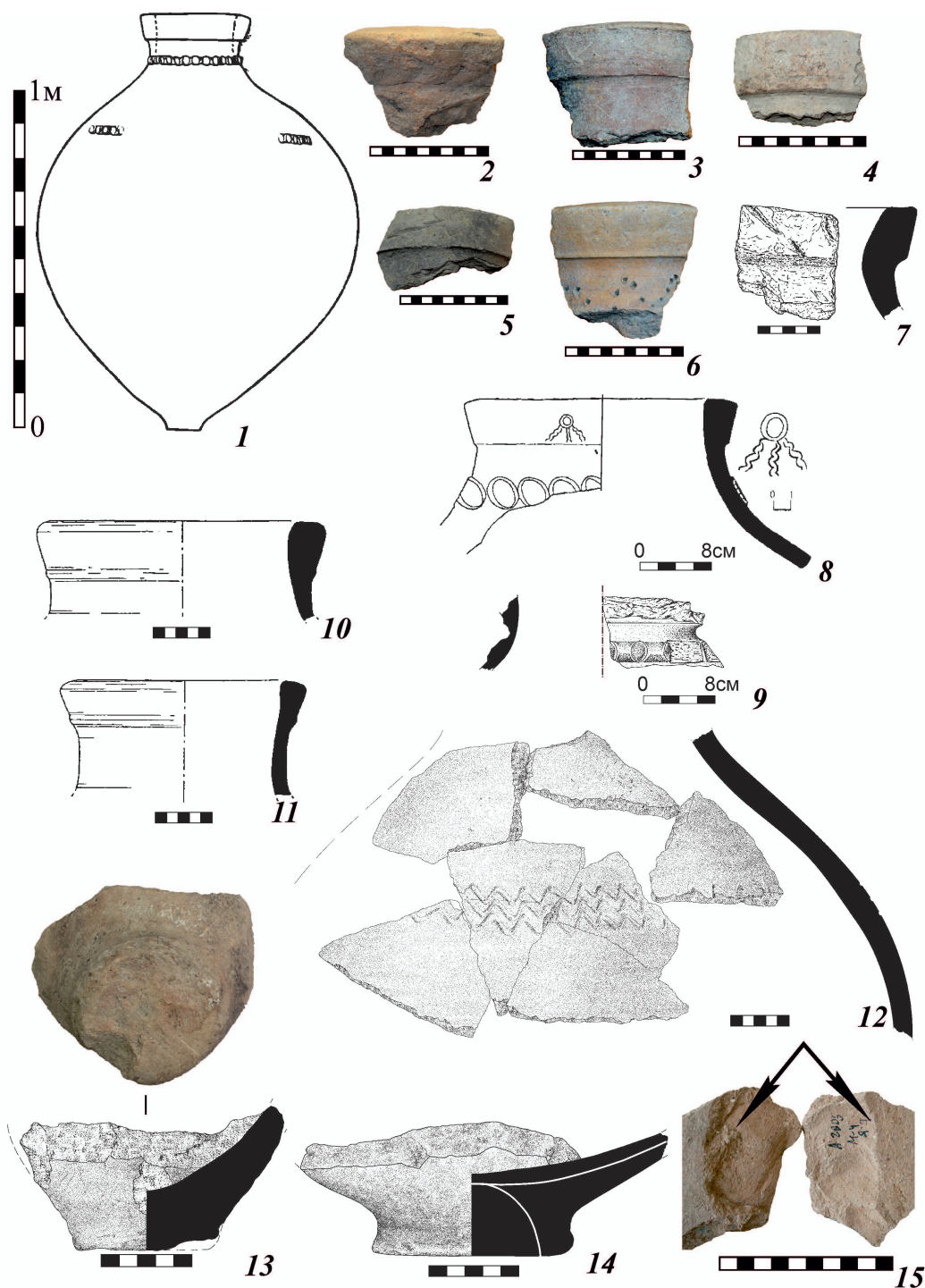

Рис. 12. Пифосы с трапециевидным венчиком (1 – Херсонес (по: [Якобсон, 1966]); 2–6 – Железнодорожное 2 (по: [Майко и др., 2014]); 7 – Пешково I; 8 – Новый Свет (по: [Зеленко, 1999]); 9, 12–15 – Азак; 10–11 – Семеновская крепость (по: [Волков, 2003]) (7, 9, 12–15 публикуется впервые, фото и рисунки авторов) 9 – ул. Толстого, 41, Р-1, яма 11; 12, 15 – ул. Московская, 4, Р-1, яма 7 (2005); 13 – ул. Суворова, 13, Р-1, кв. 2, пл. 2 (2002); 14 – ул. Московская, 7, Р-1, яма 30 (1995)

Fig. 12. Pithoi with trapezoid rim (1 – Khersonesos (after: [Yakobson, 1966]); 2–6 – Zheleznodorozhnoe 2 (after: [Maiko et al., 2014]); 7 – Peshkovo I; 8 – Novy Svet (after: [Zelenko, 1999]); 9, 12–15 – Azak; 10–11 – Semyonovskaya Fortress (after: [Volkov, 2003]) (7, 9, 12–15 first publication, photo and drawing by the authors): 9 – Tolstoy St, 41, Ex-1, pit 11; 12, 15 – Moskovskaya St, 4, Ex-1, pit 7 (2005); 13 – Suvorov St, 13, Ex-1, sq. 2, str. 2 (2002); 14 – Moskovskaya St, 7, Ex-1, pit 30 (1995)

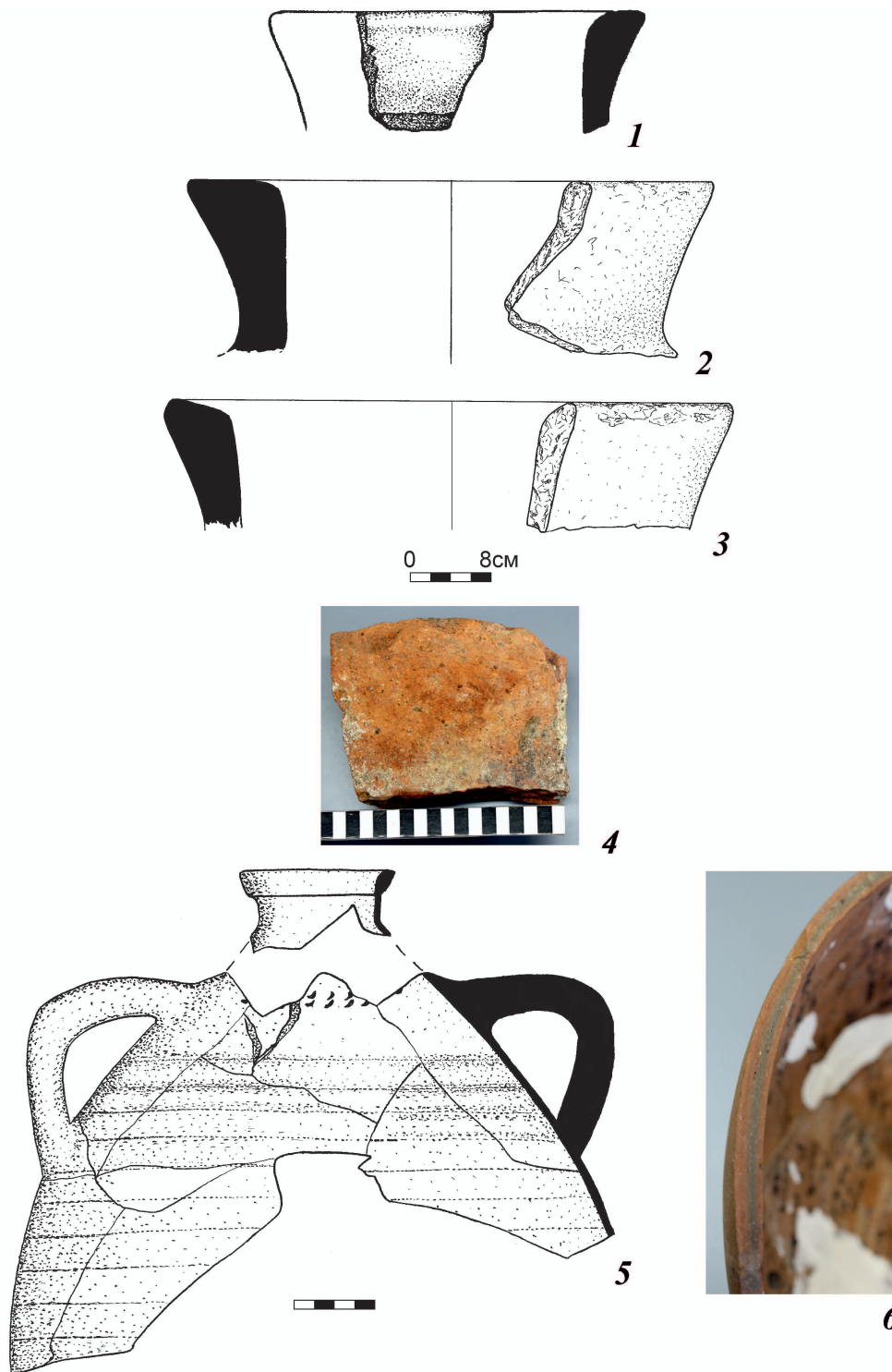

Рис. 13. Массивные пифосы (1–4), амфора неизвестного центра (5–6).

Азак (публикуется впервые, фото и рисунки авторов):

1 – ул. Р. Люксембург, Р-2, яма 6 (2001); 2–4 – ул. Толстого, 41, Р-1, яма 58, 59 (2001); 5–6 – ул. Толстого, 41, Р-1, жил. 1 (2000)

Fig. 13. Massive pithoi (1–4), amphora of unknown center (5–6).

Azak (first publication, photo and drawing by the authors):

1 – R. Luxemburg St, Ex-2, pit 6 (2001); 2–4 – Tolstoy St, 41, Ex-1, pit 58, 59 (2001); 5–6 – Tolstoy St, 41, Ex-1, dw. 1 (2000)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л., 2006. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2005 году // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. V. СПб. ; Севастополь : Гос. Эрмитаж. 223 с.
- Адаксина С. Б., Мыц В. Л., Ушаков С. В., 2014. Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2012–2013 гг. // Материалы Южно-Крымской археологической экспедиции. Вып. XI. СПб. ; Севастополь : Гос. Эрмитаж. 272 с.
- Бочаров С. Г., Масловский А. Н., 2023. Византийские амфоры в Золотой Орде // *Stratum plus*. № 6. С. 267–299.
- Булгаков В. В., 2000. Византийские амфоры IX–XIV вв.: основные типы // *Восточноевропейский археологический журнал*. URL: <http://archeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/classification/4.htm>
- Волков И. В., 1989. Импортная амфорная тара золотоордынского города Азака // *Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII–XVI веках*. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та. С. 85–100.
- Волков И. В., 1992. О происхождении и эволюции некоторых типов средневековых амфор // *Донские древности*. Вып. 1. С. 143–157.
- Волков И. В., 1996. Амфоры Новгорода Великого и некоторые заметки о византийско-русской торговле вином // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*. Вып. 10. Новгород : Новгород. гос. объедин. музей-заповедник. С. 90–103.
- Волков И. В., 2001. О происхождении двух групп средневековых клейменных амфор // *Морская торговля в Северном Причерноморье*. Киев : Стилюс. С. 130–146.
- Волков И. В., 2003. Поселения Приазовья в XII–XIII веках // *Русь в XIII веке. Древности темного времени*. М. : Наука. С. 108–130.
- Волков И. В., 2017. Амфоры // *Новгородский детинец и владычный двор в XI–XV вв.* СПб. : Дмитрий Буланин. С. 172–180.
- Волков И. В., Губайдуллин А. М., 2012. Редкие группы керамического импорта в Болгарах // *Поволжская археология*. № 1. С. 190–203.
- Еманов А. Г., 1995. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы XIII–XV вв. Тюмень : РУТРА. 225 с.
- Жеребилов С. Е., Масловский А. Н., 2016. Керамический комплекс поселения Железнодорожный II (Западное Закубанье, долина реки Адагум) (XIII–XIV вв.) // *Материалы Первого Маджарского археологического форума. Пятигорск – Буденновск – 2012 год. Археология евразийских степей*. Вып. 23. Казань. С. 10–15.
- Зажигина Л. Ю., 1996. Средневековые пифосы из собрания Анапского музея // *Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея)*. Вып. 2. Армавир ; М. С. 117–119.
- Зеленко С. М., 1999. Итоги исследований подводно-археологической экспедиции Киевского университета им. Тараса Шевченко на Черном море в 1997–1999 гг. // *Vita Antiqua*. № 2. С. 223–234.
- Зеленко С. М., Лебединский В. В., Кузьминов В. В., Новицкая Р. С., Царенко С. А., Морозова Я. И., Пронина Ю. А., 2016. Подводно-археологические исследования в Юго-Восточном Крыму в 2014 г. Феодосия : Арт Лайф. 169 с.
- Зенюк Д. И., Масловский А. Н., 2018. Керамический комплекс первой четверти XV в. из раскопок в городе Азове // *Поволжская археология*. № 2. С. 204–221.
- Карпов С. П., 1990. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М. : Изд-во МГУ. 336 с.
- Коваль В. Ю., 2010. Керамика Востока на Руси (IX–XVII века). М. : Наука. 269 с.
- Коваль В. Ю., 2016. Испанская керамика в средневековом Болгаре // *Поволжская археология*. № 4. С. 99–124.
- Коваль В. Ю., Мелькова В. Р., Хохлов А. Н., 2021. Новые находки испанской керамической тары в Крыму // *Мир средневековья. Познавая прошлое. К 70-летию отдела средневековой археологии*. М. : Ин-т археологии РАН. С. 126–135.
- Майко В. В., Василенко Д. Э., Соков П. В., Тищенко И. Б., 2014. Материалы к типологии, хронологии и клеймлению некоторых типов византийских амфор XIII–XIV вв. (по материалам Восточного Крыма и западного Закубанья) // *Боспорские исследования*. Вып. XXX. Симферополь, Керчь. С. 329–343.

- Масловский А. Н., 2006. Керамический комплекс Азака. Краткая характеристика // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Вып. 21. Азов : Азов. музей-заповедник. С. 308–473.
- Масловский А. Н., Минаев А. П., Юдин Н. И., 2021. Сельская округа Азака по данным керамических и нумизматических находок. Взаимодействие города и сельского населения // Поволжская археология. № 2 (36). С. 231–247.
- Мыц В. Л., 1991. Укрепления Таврики X–XV вв. Киев : Наук. думка. 164 с.
- Филлипс Р., 2004. История вина. М. : Эксмо. 416 с.
- Якобсон А. Л., 1966. Средневековые пифосы Северного Причерноморья // Советская археология. № 2. С. 189–202.
- Якобсон А. Л., 1979. Керамика и керамическое производство Средневековой Таврики. Л. : Наука. 164 с.
- Bevia Garcia M., Azuar Ruiz R., 2005. Santa Maria Descubierta. Arqueologia, arquitectura y ceramic. Alicante : MARQ. 259 p.
- Günsenin N., 2018. La typologie des amphores Gunsenin. Une mise au point nouvelle // Anatolia Antiqua. XXVI. P. 89–124.
- Hayes J. W., 1992. The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul. Vol. 2. Princeton : Princeton University Press. 455 p.
- Raurich X., Pujol M., Martin A., Jover A., Izquierdo P., Garrido E., 1992. Les Sorres X. Un vaixell medieval al canal olimpic de rem (Castelldefels, Baix Llobregat). Barcelona : Generalitat de Catalunya. 71 p.
- Sanders G. D. R., 1987. An Assemblage of Frankish Pottery at Corinth // Hesperia. Vol. 56, № 2. P. 159–195.

REFERENCES

- Adaksina S.B., Kirilko V.P., Myts V.L., 2006. Otchyot ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2005 godu [Report on Archaeological Investigations of the Medieval Fortress of Cembalo (Balaklava) in 2005]. *Materialy Yuzhno-Krymskoy arheologicheskoy ekspeditsii*, iss. V. Saint Petersburg, Sevastopol, State Hermitage Museum. 223 p.
- Adaksina S.B., Myts V.L., Ushakov S.V., 2014. Otchyot ob arheologicheskikh issledovaniyakh srednevekovoy kreposti Chembalo (g. Balaklava) v 2012–2013 gg. [Report on Archaeological Investigations of the Medieval fortress of Cembalo (Balaklava) in 2012–2013]. *Materialy Yuzhno-Krymskoy arheologicheskoy ekspeditsii*, iss. XI. Saint Petersburg, Sevastopol, State Hermitage Museum. 272 p.
- Bocharov S.G., Maslovskiy A.N., 2023. Vizantiyskie amfory v Zolotoy Orde [Byzantine Amphorae in the Golden Horde]. *Stratum plus*, no. 6, pp. 267–299.
- Bulgakov V.V., 2000. Vizantiyskie amfory IX–XIV vv.: osnovnye tipy [Byzantine Amphorae of the 9th – 14th Centuries: the Main Types]. *Vostochnoevropeyskiy arheologicheskiy zhurnal* [East European Archaeological Journal]. URL: <http://archeology.kiev.ua/byzantine/amphorae/classification/4.htm>
- Volkov I.V., 1989. Importnaya amfornaya tara zolotoordynskogo goroda Azaka [Imported Amphora Containers from the Golden Horde City of Azak]. *Severnoe Prichernomor' e i Povolzh'e vo vzaimootnosheniyakh Vostoka i Zapada v XII–XVI vekah* [Northern Black Sea and Volga Regions in the Relations Between East and West in the 12th – 16th Centuries]. Rostov-on-Don, Rostov University, pp. 85–100.
- Volkov I.V., 1992. O proiskhozhdenii i evolyutsii nekotorykh tipov srednevekovykh amfor [On the Origin and Evolution of Some Types of Medieval Amphorae]. *Donskie drevnosti* [Don Antiquities], iss. 1, pp. 143–157.
- Volkov I.V., 1996. Amfory Novgoroda Velikogo i nekotorye zametki o vizantiysko-russkoy torgovle vinom [The Amphorae of Novgorod the Great and Some Notes on the Byzantine-Russian Wine Trade]. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arheologiya* [Novgorod and the Novgorod Land. History and Archeology], iss. 10. Novgorod, Novgorod State Museum-Reserve, pp. 90–103.
- Volkov I.V., 2001. O proiskhozhdenii dvuh grupp srednevekovykh kleymennykh amfor [On the Origin of Two Groups of Medieval Stamped Amphorae]. *Morskaya torgovlya v Severnom Prichernomor'e* [Maritime Trade in the Northern Black Sea Region]. Kiev, Stilos Publ., pp. 130–146.
- Volkov I.V., 2003. Poseleniya Priazov'ya v XII–XIII vekah [Settlements of the Azov Region in the 12th – 13th Centuries]. *Rus' v XIII veke. Drevnosti temnogo vremeni* [Rus in the 13th Century. Antiquities of the Dark Age]. Moscow, Nauka Publ., pp. 108–130.

- Volkov I.V., 2017. Amfory [The Amphorae]. *Novgorodskiy detinets i vladychnyy dvor v XI–XV vv.* [Novgorod Citadel and Bishop's Court in the 11th – 15th Centuries]. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ., pp. 172–180.
- Volkov I.V., Gubaydullin A.M., 2012. Redkie gruppy keramicheskogo importa v Bolgarah [Rare Groups of Ceramic Imports in Bulgar]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 1, pp. 190–203.
- Emanov A.G., 1995. *Sever i Yug v istorii kommertsii: na materialah Kaffy XIII–XV vv.* [North and South in the History of Commerce: Based on the Materials of the 13th – 15th Centuries' Kafa]. Tyumen', RUTRA Publ. 225 p.
- Zherebilov S.E., Maslovskiy A.N., 2016. Keramicheskiy kompleks poseleniya Zheleznodorozhnyy II (Zapadnoe Zakuban'e, dolina reki Adagum) (XIII–XIV vv.) [Ceramic Complex of Zheleznodorozhny II Settlement (Western Transkuban', Valley of the Adagum River) (13th – 14th Centuries)]. *Materialy Pervogo Madzharskogo arheologicheskogo foruma. Pyatigorsk – Budennovsk – 2012 god* [Materials of the First Madzhar Archaeological Forum. Pyatigorsk – Budennovsk – 2012]. *Arheologiya evraziyskih stepey*, iss. 23, Kazan, pp. 10–15.
- Zazhigina L.Yu., 1996. Srednevekovye pifosy iz sobraniya Anapskogo muzeya [Medieval Pithoi from the Collection of the Anapa Museum]. *Istoriko-arheologicheskii al'manah (Armavirskogo kraevedcheskogo muzeya)* [Historical and Archaeological Almanac (Armavir Museum of Local History)], iss. 2. Armavir, Moscow, pp. 117–119.
- Zelenko S.M., 1999. Itogi issledovaniy podvodno-arheologicheskoy ekspeditsii Kievskogo universiteta im. Tarasa Shevchenko na Chernom more v 1997–1999 gg. [Research Results of the Underwater Archaeological Expedition of Taras Shevchenko University of Kyiv on the Black Sea in 1997–1999]. *Vita Antiqua*, no. 2, pp. 223–234.
- Zelenko S.M., Lebedinskiy V.V., Kuz'minov V.V., Novitskaya R.S., Tsarenko S.A., Morozova Ya.I., Pronina Yu.A., 2016. *Podvodno-arheologicheskie issledovaniya v Yugo-Vostochnom Krymu v 2014 g.* [Underwater Archaeological Research in the Southeastern Crimea in 2014]. Feodosiya, Art Layf Publ. 169 p.
- Zenyuk D.I., Maslovskiy A.N., 2018. Keramicheskiy kompleks pervoy chetverti XV v. iz raskopok v gorode Azove [Ceramic Complex of the First Quarter of the 15th Century from Excavations in the Town of Azov]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2, pp. 204–221.
- Karpov S.P., 1990. *Ital'yanskije morskije respubliki i Yuzhnoe Prichernomor'e v XIII–XV vv.: problemy trgovli* [Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Region in the 13th – 15th Centuries: Trade Issues]. Moscow, MSU. 336 p.
- Koval' V.Yu., 2010. *Keramika Vostoka na Rusi (IX–XVII veka)* [Ceramics of the East in Rus' (9th – 17th Centuries)]. Moscow, Nauka Publ. 269 p.
- Koval' V.Yu., 2016. Ispanskaya keramika v srednevekovom Bolgare [Spanish Ceramics in the Medieval Bolgar]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 4, pp. 99–124.
- Koval' V.Yu., Mel'kova V.R., Hohlov A.N., 2021. Novye nahodki ispaniskoy keramicheskoy tary v Krymu [New Finds of Spanish Ceramic Containers in Crimea]. *Mir srednevekov'ya. Poznavaya proshloe. K 70-letiyu otdela srednevekovoy arheologii* [The World of the Middle Ages. Learning about the Past. For the 70th Anniversary of the Medieval Archaeology Department]. Moscow, Institute of Archaeology RAS, pp. 126–135.
- Maiko V.V., Vasilinenko D.E., Sokov P.V., Tishchenko I.B., 2014. Materialy k tipologii, hronologii i kleymleniyu nekotorykh tipov vizantiyskikh amfor XIII–XIV vv. (po materialam Vostochnogo Kryma i zapadnogo Zakuban'ya) [Materials for the Typology, Chronology and Stamping of Some Types of Byzantine Amphorae of the 13th – 14th Centuries (Based on Materials from Eastern Crimea and Western Trans-Kuban)]. *Bosporskie issledovaniya* [Bosporan Studies], iss. XXX. Simferopol', Kerch', pp. 329–343.
- Maslovskiy A.N., 2006. Keramicheskiy kompleks Azaka. Kratkaya kharakteristika [Ceramic Complex of Azak. Brief Description]. *Istoriko-arheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g.* [Historical and archaeological research in the city of Azov and on the Lower Don in 2004], iss. 21. Azov, Azov Museum-Reserve, pp. 308–473.
- Maslovskiy A.N., Minaev A.P., Yudin N.I., 2021. Sel'skaya okrugaz Azaka po dannym keramicheskikh i numizmaticheskikh nahodok. Vzaimodeystvie goroda i sel'skogo naseleniya [Azak's Rural District Based on Ceramic and Numismatic Finds. Interaction Between the Urban and Rural Populations]. *Povolzhskaya arheologiya* [The Volga River Region Archaeology], no. 2 (36), pp. 231–247.
- Myts V.L., 1991. *Ukrepleniya Tavriki X–XV vv.* [Fortifications of Taurica in the 10th – 15th Centuries]. Kiev, Nauk. dumka Publ. 164 p.
- Fillips R., 2004. *Istoriya vina* [History of Wine]. Moscow, Eksmo Publ. 416 p.

- Yakobson A.L., 1966. Srednevekovie pifosi Severnogo Prichernomor'ya [Medieval Pithoi of the Northern Black Sea Region]. *Sovetskaya arheologiya* [The Soviet Archaeology], no. 2, pp. 189-202.
- Yakobson A.L., 1979. *Keramika i keramicheskoe proizvodstvo Srednevekovoy Tavriki* [Ceramics and Ceramic Production of Medieval Taurica]. Leningrad, Nauka Publ. 164 p.
- Bevia Garcia M., Azuar Ruiz R., 2005. *Santa Maria Descubierta. Arqueologia, arquitectura y ceramic*. Alicante, MARQ. 259 p.
- Günsenin N., 2018. La typologie des amphores Günsenin. Une mise au point nouvelle. *Anatolia Antiqua*, XXVI, pp. 89-124.
- Hayes J.W., 1992. *The Pottery. Excavations at Sarachane in Istanbul*. Vol. 2. Princeton, Princeton University Press. 455 p.
- Raurich X., Pujol M., Martin A., Jover A., Izquierdo P., Garrido E., 1992. *Les Sorres X. Un vaixell medieval al canal olimpic de rem (Castelldefels, Baix Llobregat)*. Barcelona, Generalitat de Catalunya. 71 p.
- Sanders G.D.R. 1987. An Assemblage of Frankish Pottery at Corinth. *Hesperia*, vol. 56, no. 2, pp. 159-195.

Information About the Authors

Sergey G. Bocharov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Vice-Director, Institute of History and Archaeology of Byzantium and the Black Sea Region, Head of the Department of Archaeology, Sevastopol State University, Universitetskaya St, 33, 299053 Sevastopol, Russian Federation, sgbotcharov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4775-4136>

Andrey N. Maslovskiy, Candidate of Sciences (History), Head of the Department of Archaeology, Azov Historical-Archeological and Paleontological Museum-Reserve, Moskovskaya St, 38/40, 346780 Azov, Russian Federation, maslovskiazak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2452-4306>

Информация об авторах

Сергей Геннадиевич Бочаров, кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе Института истории и археологии Византии и Причерноморья, заведующий кафедрой археологии, Севастопольский государственный университет, ул. Университетская, 33, 299053 г. Севастополь, Российская Федерация, sgbotcharov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4775-4136>

Андрей Николаевич Масловский, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии, Азовский историко-археологический и палеонтологический музей-заповедник, ул. Московская, 38/40, 346780 г. Азов, Российская Федерация, maslovskiazak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2452-4306>